

Миска Эдварда с хлопьями упала на пол и разбилась; молоко и размокшие хлопья запачкали его джинсы. Эдвард вскочил, нахмурился и огляделся, вспоминая, где он находится. Точно. Он был на кухне — старомодные столешницы из красного ламината, ярко-белая раковина в деревенском стиле, ретро—холодильник и плита, пахнущая созревающими бананами и люцерной, которую его мама добавила в свой “питательный смузи” - он завтракал, пока не ушёл с головой в свою книгу. Он опустил глаза и уставился на остатки из своей миски.

— Эдвард, ты должен быть аккуратнее! — рявкнула его мама.

Эдвард взглянул на неё. Его мама, как обычно, выглядела усталой. Несколько каштановых пучков прядей вылезли из завитка волос, в который она всегда их укладывала. Она покачала головой и потеряла виски, уставившись на беспорядок на старом деревянном полу.

— Как она могла упасть? — спросил Эдвард.

Его мама вздохнула. Она наклонилась и начала собирать осколки зеленой керамики. Эдвард наклонился, чтобы помочь ей... и их лбы ударились друг о друга.

— Ай! — крикнули они в вместе.

Его мать выпрямилась и сердито посмотрела на него. Одной рукой она держала осколки керамики. Второй щупала красное пятно у себя на лбу.

Эдвард начал было извиняться, но взгляд матери заставил его замолчать. Она подошла к мусорному ведру под раковиной и бросила туда разбитую миску из-под хлопьев. Эдвард схватил салфетку с круглого кухонного стола, присел на корточки и начал вытирать молоко и хлопья.

— Эдвард.

Его мама протянула ему мокрую тряпку, чтобы он вытер пол. Он взял её и начал водить ею туда-сюда. Его быстрые движения отбрасывали кусочки хлопьев еще дальше по всему полу.

Его мама снова вздохнула. — Просто оставь это. Я сама всё вытру. Иди почисти зубы. А то опоздаешь на автобус.

Эдвард встал и решил воспользоваться моментом, чтобы извиниться. — Прости. Я сам не знаю, как эта миска упала.

Его мама открыла было рот, потом закрыла его, сделала глубокий вдох, а затем протянула руку и взъерошила ему волосы. Он заёрзал. Он предпочел бы, чтобы она этого не делала. Как будто она не могла отличить восьмиклассника от восьмилетнего. Она все еще пыталась обращаться с ним как с маленьким ребенком, хотя ему уже несколько месяцев как исполнилось тринадцать. Теперь он был подростком. Он хотел, чтобы она поняла это.

Он взглянул на её суровое лицо. Хотя сейчас, вероятно, было не самое лучшее время пытаться что-либо ей объяснить.

Эдвард и его мама долгое время жили вдвоем, и по большей части они были очень дружны. Они также были очень похожи друг на друга, что могло сбить с толку. Даже с тонким макияжем, который носила его мама, её карие глаза, маленький нос, широкий рот и сильная челюсть были почти зеркальным отражением его собственных черт. Это было необычайно. Его волосы тоже были точно такого же цвета, как у неё, однако его волосы были недостаточно

длинными, чтобы их можно было заплести.

— Ну, мой маленький помешанный на науке компьютерщик, — сказала его мама, — Что это был за вопрос, который ты задавал на днях о непреодолимых силах?

— Что происходит, когда непреодолимая сила сталкивается с неподвижным объектом? Этот вопрос? — Эдвард поморщился. Какое отношение ко всему этому имеет парадокс непреодолимой силы?

Его мама утвердительно кивнула. — Это. Ну, я не могу ответить на этот вопрос. Зато я знаю, что происходит, когда миска с хлопьями, отодвинутая на край стола, сталкивается с локтем невнимательного мальчишки, который читает за завтраком вместо того, чтобы есть.

— Не мальчишки, — сказал Эдвард.

— Ладно. Подростка. Но результат всё тот же. Тебе нужно сосредоточиться на чём-то одном за раз, Эдвард. Ты спешишь, и именно поэтому ты так подвержен несчастным происшествиям. Если ты хочешь пережить свои подростковые годы, тебе нужно быть внимательным.

— Ну, я сосредоточил внимание на том, что читал, — ответил Эдвард.

— Это не... — Его мама снова вздохнула. — Иди, сосредоточься на чистке зубов.

Эдвард пожал плечами и направился к выходу из кухни.

— А твоя книга? — спросила его мать.

— ой. — Он вернулся и взял у неё книгу. Она помотала головой и улыбнулась ему той кривой улыбкой, которая появлялась у неё всякий раз, когда он как-либо ошибался. Казалось, как будто она говорила: — Ты безнадежный случай, но я все равно тебя люблю.

Эдвард замешкался, а затем обнял маму. — прости.

* * *

— Эдвард, ты слушаешь?

Эдвард поднял глаза на миссис Стерлинг, которая хмуро смотрела на него с самого начала урока естествознания в восьмом классе. — Простите?

— Я сказала, не мог бы ты, пожалуйста, взять железные опилки из шкафа. Ты ближе всех к нему.

— О, конечно. — Эдвард повернулся и открыл металлический шкаф позади себя. Сегодня на занятии они снова говорили обо всей этой штуке с непреодолимой силой/неподвижным объектом, и его мозг не мог перестать обдумывать это. Благодаря его многочисленным вопросам по этому поводу миссис Стерлинг поручила написать доклад на эту тему. Он думал о том, как он собирается оформлять свой реферат, пока разбирал документы.

— Хорошо, теперь мы станем свидетелями силы магнитов, — объявила миссис Стерлинг.

Миссис Стерлинг была женщиной средних лет с круглым лицом и широкой улыбкой. Она всегда выглядела так, словно прекрасно проводила моменты своей жизни, даже когда это было совсем не так. Она руководила классом, как ведущая игрового телешоу, который был заполнен

письменными столами, лабораторными тумбами и шкафами с пробирками и колбами. Схемы, диаграммы и фотографии научных аномалий усеивали стены— нескончаемое количество удовольствий для любопытного ума Эдварда.

— Эдвард, раз уж ты здесь, — сказала миссис Стерлинг, — почему бы тебе не насыпать эти опилки на магнит? — Она указала на плоскую серую конструкцию, похожую на коробку, на своем столе, прежде чем отвернуться, чтобы написать что-то на доске.

Он попытался рассмотреть, что она пишет, пока открывал пробирку, которую схватил, и, не глядя, высыпал горку опилок на плоскую поверхность.

— Спасибо, Эдвард, — поблагодарила миссис Стерлинг. — Можешь вернуться на свое место. — Эдвард кивнул и направился обратно к своему столу.

— Хорошо, начнём. — Она включила вентилятор, установленный перед магнитом.

Внезапно передняя часть класса была закидана крошечными черными крошками... и каждый начал чихать. Миссис Стерлинг, стоявшая ближе всех к своему столу, чихала сильнее всех. Она также крепко зажмурилась.

Одна из девочек в первом ряду взвизгнула. Другая закричала: — Мои глаза!

— Выключите вентилятор! — крикнул мальчик. Миссис Стерлинг, все еще с закрытыми глазами, нащупала вентилятор и в конце концов скинула его со стола.

Эдвард чихнул, и его глаза начали жечься. Что случилось?

— Ты точно уверен, что это были железные опилки, которые ты взял? — спросил его лучший друг Джек, натягивая рубашку на нос.

Эдвард вытер сопلي из носа. — Конечно, я... — Он вздрогнул и повернулся, чтобы взглянуть на шкаф.

Пробирка с железными опилками всё ещё стояла там. А он схватил перец, который миссис Стерлинг использовала в их эксперименте с поверхностным натяжением пару дней назад.

— Всем выйти! — громко скомандовала миссис Стерлинг. Она пошатывалась, из ее глаз текли слезы. Но она все еще улыбалась.

— Неуклюжая морда опять поражает всех! — крикнул один из мальчиков, когда они все выбежали из класса.

— Простите, — сказал Эдвард, когда присоединился к своим одноклассникам в коридоре. — Я... — Он замолчал и пожал плечами. Не было смысла пытаться что-то им объяснить. Поэтому он просто повторил: — Простите.

* * *

— Занятно, сколько раз в день я извиняюсь, — сказал Эдвард Джеку, когда их автобус отъехал от школы.

— Прости? — Джек вытащил наушник из уха и повернулся улыбающимся лицом к Эдварду. — Я тебя не расслышал. Не мог бы ты, пожалуйста, повторить то, что ты сказал?

— Ничего.

Джек пожал плечами и снова воткнул наушник в ухо. Тем не менее его улыбка осталась.

Джек практически всегда улыбался — одной из причин этому было то, что его губы были от природы приподняты. Другая заключалась в том, что Джек просто все время был счастлив. Эдвард никогда не встречал такого добродушного человека, как Джек. В уголках его теплых карих глаз уже виднелись слабые морщинки от улыбки.

Эдвард на секунду уставился на золотую спираль (прим. переводчика: скорее всего здесь идёт речь о спирали Фибоначчи или же как её ещё называют логарифмическая спираль) на мешковатой футболке Джека и задался вопросом, что Джек сейчас слушает (Это всегда была аудиокнига, а не музыка). Затем он отвернулся и уставился в окно.

Средняя школа, в которой учились Эдвард и Джек, была частью комплекса, в который также входила городская старшая школа. Комплекс был построен всего за год, чтобы заменить старую среднюю школу, которая пострадала от проблем с плесенью, устранение которой считалось слишком дорогостоящим. Новый учебный комплекс был неплохим, но из-за проблем с планировкой его построили в нескольких милях от города. Из-за этого первая часть поездки на автобусе домой проходила через относительно дикую местность. Или, по крайней мере, Эдвард считал её дикой.

Дорога пролежала через густой лес. Высокие ели прижимались друг к другу на обочине, посыпанной гравием. Большинство одноклассников Эдварда любили этот лес — в понедельник поутру на уроке они говорили о том, как ловили раков в ручье, плавали весь день в глубокой яме для купания в полумиле или приблизительно от школы и играли в "короля холма" на том, что, по местным легендам, было старыми могильными холмами. Эдварду, однако, лес не нравился. Там было слишком темно, и в нем было слишком легко заблудиться. У него по спине пробежал холодок при мысли о том, что деревья смыкаются, заглушая звук, чтобы никто не мог услышать твой крик.

Эдвард поёрзал на жёстком сиденье автобуса. Обивка под винилом была изношена, и в какой-то неловкий момент он почувствовал, что погружён в свои мысли. Когда он сменил позу, то выставил вперед локоть.

— Ау! — вскрикнул Джек.

— прости. — Эдвард поморщился. И вот опять. Он должен был уже привыкнуть. Не было ли бесконечное повторение "прости" психическим заболеванием? Как синдром Туретта или что-то в этом роде? Возможно, у него были неврологические проблемы, и именно поэтому его локти и его тело в целом всегда создавали для него проблемы.

Он снова сменил позу и на этот раз пнул Джека в лодыжку. Джек отдернул ногу и уставился на Эдварда.

— Прости, — извинился Эдвард.

Джек снова вынул наушник. На этот раз он убрал их подальше. — Тебя что-то беспокоит? Ты весь день какой-то странный.

— А есть отличия от других дней? Как ты думаешь, был ли хоть один день, когда я не был бы странным?

Джек поджал свои пухлые губы и почесал нос. — Верно подметил. — Наклонившись, он столкнулся плечом с Эдвардом. — Но, чтобы понять странного, нужно самому быть странным.

Девушка, сидевшая перед Эдвардом и Джеком, резко повернулась и посмотрела на них. — Вы оба странные.

Эдвард покраснел. Эта девушка, Джулия, была одной из самых популярных в его классе, что означало, что она была его полной противоположностью. В большинстве случаев это его не беспокоило. Они с Джеком давным-давно решили, что живут в своей собственной реальности. Возможно, им пришлось бы тусоваться в ней, но их комнаты были отделены друг от друга. Они были чем-то вроде Лох-Несского чудовища, которое, по убеждению Эдварда, жило в другом измерении и иногда проходило через червоточину, чтобы посетить наше измерение. Иначе бы монстра замечали лишь раз десять или около того в год?

Он посмотрел в красивые глаза Джулии. Он задавался вопросом, заинтересовала бы её его теория. Он открыл было рот, но прежде чем он успел что-либо сказать, она закатила свои ярко-голубые глаза. — Благодаря вам двоим нам всем приходится писать доклад о том, почему непреодолимая сила не может существовать в той же вселенной, что и неподвижный объект!

Улыбка Джека стала шире, и он аж подпрыгнул на своем сиденье. — И в чём проблема? Об этом довольно интересно поразмыслить. Только представь, если бы у этого автобуса была бесконечная энергия и—

— Заткнись! — Джулия отвернулась.

Эдвард уставился на то, как её выщипанные чёрные волосы свисали с затылка, словно водопад, падающий со скал в лунную ночь. Он взглянул на Джека, вспоминая его смех, когда Эдвард поделился с ним своими чувствами пару недель назад.

— Ты потерял интерес к жанру научной фантастики и увлекся этой романтической чушью? — Джек что-то пробормотал между приступами хохота. — Она живет на другой ступени жизни, Эдвард. Это невозможно.

По непонятным Эдварду причинам, эта вселенная (не та, из которой они с Джеком были родом) основывалась на паре странных уравнений.

Уравнение 1: Интерес к науке - Интерес к спорту = Странный

Уравнение 2: Странный + Мелкий = Изгой

Кто так решил? Он точно не знал. Казалось, что ботаники обычно зарабатывают намного больше денег. Ботаники изобретали вещи, которые делали мир лучше. Так кто же придумал этот метод подсчета популярности? И кто распространил инструкцию о нём? Это просто было тем, что всем было известно.

—Ты идешь? — спросил Джек.

Эдвард моргнул и огляделся. Несколько детей вышли из автобуса. Эдвард выглянул в окно. Это была их остановка.

Джек и Эдвард встали, но что-то мокрое и липкое шлепнуло Эдварда по щеке. Прежде чем он успел поднять руку, липкий предмет - жевательная резинка - отлетела ему на грудь и прилипла к левому глазу смайлика на его футболке. Он попытался избавиться от неё, но она сильно

прилипла. Он схватил её, чуть не подавившись от мерзкой скользкой слюны, покрывающей жвачку. Несмотря на эту слизь, жвачка прилипла к его пальцам.

— Давай же, — подгонял Джек. Он уже стоял в проходе.

Он огляделся. Невозможно было узнать, кто кинул жвачку. Любой в этой вселенной мог бы это сделать.

Как только Эдвард вылез из автобуса, водитель Дон — крупный, почти пенсионер с вьющимися седыми волосами — крикнул: — Хорошего дня!

Эдвард помахал Дону, когда двери автобуса с глухим стуком закрылись. Автобус изрыгнул выхлопные газы и с шумом умчался прочь.

Джек аккуратно выровнял стопку книг, которые он держал перед своим животом и спросил: — Чем бы ты хотел заняться сегодня вечером?

Эдвард наблюдал за другими детьми, бредущими по улице. Он отошел от бордюра и наклонился, чтобы поднять камень с клумбы на краю двора миссис Филлипс. Взглянув на её окно, чтобы убедиться, что она не наблюдает, он использовал камень, чтобы соскрести жвачку со своих пальцев. Затем он снова наклонился, чтобы положить камень жвачкой вниз, туда же, где он его взял.

Как только он вернул камень на место, он услышал слабый звук. Эдвард замер и прислушался. Что это было?

Автобус уже был практически в конце квартала. Когда он свернул за угол, шум двигателя стал тише. И звук, доносившийся с клумбы миссис Филлипс, стал громче.

Этот звук походил на нечто среднее между писком и чириканьем. Была ли это раненая птица? Бурундук?

Эдвард опустился на колени и начал осматривать большой куст рододендрона, охраняющий сезонные растения миссис Филлипс. Поскольку был январь, на клумбе в данный момент не было цветов. Вместо этого в нем была коллекция зимних гномов, одетых в свитера ручной вязки, которые миссис Филлипс сшила сама.

Что бы ни издавало этот звук, оно снова издало его. Теперь он звучал еще громче. Чвии, чвии.

— Что ты делаешь? — спросил Джек.

— Тсс. Разве ты не слышишь это?

— Слышу, что?

Эдвард нырнул под куст и осторожно отодвинул гнома в лыжной шапочке.

Звук сменился на отчетливое шипение, и он отдернул руку.

— Я думаю, там змея, — сказал он.

— Хорошо, тогда почему ты держишь свою руку в такой близости к ней?

Шипение прекратилось, и тот звук вернулся. Только на этот раз это был скорее миу, чем чви.

— Эй, я это слышал, — сказал Джек. — Змея не могла бы издать такой звук.

Джек наклонился, смахнул грязь с тротуара и положил стопку книг на край клумбы. Он опустился на колени рядом с Эдвардом и наклонился, чтобы заглянуть за спины гномов.

Вместе Эдвард и Джек подвинули еще одного гнома. За пределами их рук что-то снова зашипело, а затем издало еще одно миу.

Джек откинул в сторону ветку рододендрона, и на них уставились два жёлтых глаза.

— Это котёнок! — воскликнул Джек. Его обычная улыбка превратилась в широкую ухмылку.

Котёнок снова повторил: — Миу.

— Привет, Котёнок, — сказал Джек ласковым голосом. — Приятно познакомиться с тобой, малыш. У тебя нет никаких причин бояться нас. У нас нет намерений причинить тебе вред.

Эдвард наклонился и вытянул шею, чтобы заглянуть за протянутую руку Джека. Под кустом было темно, и единственная часть котенка, которая была видна, - это его глаза.

— Давай, малютка, — упрашивал Джек, его голос был на одну октаву(Октава - это Музыкальный интервал, в котором соотношение частот между звуками составляет один к двум. Субъективно на слух октава воспринимается как устойчивый, базисный музыкальный интервал.) выше, чем Эдвард когда-либо слышал. — Мы поможем тебе.

Джек повернулся и шепнул Эдварду: — Я предполагаю, что у тебя в рюкзаке нет кошачьей еды?

Эдвард фыркнул. Котёнок зашипел.

Джек снова шепнул: — Похоже, ты не нравишься Фарадею.

— Фарадею? — шепнул Эдвард в ответ.

— Ты знаешь Майкла Фарадея, знаменитого ученого? Он открыл два закона электрохимии? — Джек продолжал шептать. Котенок перестал шипеть.

— Конечно. конечно я его знаю. — Эдвард усмехнулся. Каждый день Джек рассказывал Эдварду что-то, чего тот не знал. Эдвард был практически уверен, что научился у Джека гораздо большему, чем в школе.

Зазвучал двигатель грузовика, и Эдвард, обернувшись, хмуро посмотрел на него. На противоположной стороне их квартала какой-то строитель возводил новое здание. Тяжелая техника проезжала по кварталу Эдварда и Джека в течение последней недели или около того. По словам матери Эдварда, самосвалы будут ездить туда-сюда месяцами.

Шум от грузовика стих вдали. Кто-то вскрикнул. Котенок открыл пасть и издал еще одно миу.

— Я думал, котята мяукают, — сказал Эдвард.

— У котят самые разнообразные варианты голосов, — ответил Джек. — Их общение столь же своеобразно, как и у обычного человека. Хотя однотипность высказываний наших одноклассников свидетельствует против человеческой уникальности.

Эдвард нахмурился и уже было открыл рот, чтобы попросить Джека объяснить, о чем он говорит, но Джек продолжил: — Я советую тебе отойти на минутку. Я уверен, что нахожу связь с Фарадеем. Мы включим тебя к нам, как только укрепим нашу связь.

— Эм, конечно. — Эдвард опустил с колен на зад и попятился назад. Несмотря на то, что на улице было холодно, сквозь джинсы асфальт ощущался довольно тёплым. Он взглянул на яркое солнце, а затем закрыл глаза и следил за пятнами, пляшущими за его веками.

Он слушал, как его друг "укрепляет связь." Он усмехнулся.

Эдвард и Джек были друзьями с детства. Могут ли дети вообще быть друзьями? По словам его матери, Джек и Эдвард играли вместе до того, как научились ходить. Ему было интересно, что они вообще делали. Пускали ли они слюни друг на друга?

В любом случае, утверждать, что Эдвард и Джек "выросли" вместе, пожалуй, было бы преувеличением. Ни одному из них не удалось добиться ничего, что могло бы приблизить к нормальному росту для их возраста. Следовательно, их постоянно дразнили с того момента, как они поступили в школу. Но, честно говоря, даже если бы Джек не был невысоким, он все равно вызывал бы насмешки. Дело было в том, как именно он говорил. И то, как он мыслил. Возьмем, к примеру, вопрос о кошачьем корме. Он не шутил, когда спрашивал об этом. Джек увлёкся физикой, едва научившись читать. Его понимание кварков и атомов превосходило понимание любого из их учителей. Он обожал говорить о двойственности, о том факте, что квантовые объекты существуют как волны и частицы одновременно.

— Всё это бесконечные возможности, — любил повторять Джек. Он считал, что все возможно, например, что его лучший друг может таскать с собой кошачью еду, несмотря на то, что у него не было кошки.

— Эдвард, — сказал Джек.

Эдвард открыл глаза.

Джек присел перед ним на корточки, держа в руках худенького чёрного котёнка. — Познакомься с Фарадеем, — произнес Джек тихим голосом. — Фарадей, это Эдвард. Он хороший. Он просто немного неуклюж. Я советую тебе держаться подальше от его локтей.

Котёнок урчал. Он и Джек, по-видимому, уже укрепили свою связь.

Голова Джека была опущена, а котёнок спрятан за его широким подбородком. На мгновение было трудно понять, где кончалась шерсть котенка и начинались волосы Джека. Волосы Джека были такие же чёрные, как шерсть котёнка.

Эдвард перевел взгляд с Джека на котенка. — Привет, Фарадей, — поздоровался он. Он поднес палец к крошечному носику котенка.

Котенок понюхал палец Эдварда и продолжил урчать.

— Похоже, ты ему всё-таки нравишься, — сказал Джек.

— Эм, а есть какая-то причина, по которой ты дал имя, не своему котенку? — спросил Эдвард.

Джек пожал плечами. — У него же должно быть имя.

— Может, нам отнести его в приют?

Джек покачал головой. — Нет, не думаю, что это будет лучше для него.

Фарадей перестала урчать. Джек что-то прошептал ему и почесал за ухом. — Я думаю, мы должны оставить его у себя, — сказал Джек.

— Моя мама не станет—

— Я знаю. Он будет у меня, до тех пор, пока мы будем заботиться о нем.

— Мы?

— Что ж, это ты его нашел. Значит, ты должен быть одним из его отцов.

— У меня не так уж и много образцов для отцовства.

— А я что делаю? — спросил Джек.

— Верно.

Отец Эдварда бросил его, когда Эдварду было три года. Он проживал за границей со своей второй женой и тремя новыми детьми. На Рождество и на день рождения Эдварда он посылал дурацкую открытку с двадцатью долларами внутри. Отец Джека по-прежнему был на фотографии, но он был дальнобойщиком, и когда он был дома, всё, что он хотел делать, это смотреть спортивные передачи, пить газировку и есть фаст-фуд. Он не понимал Джека и не раз шутил, говоря, что не уверен, что Джек на самом деле его сын.

Мимо проехала ещё одна машина. — Эй, придурки, — крикнул какой-то мудака. — Забыли дорогу домой?

Эдвард поднял глаза и узнал пару пацанов, которые жили дальше по улице, они оба были частью команды, которая летом играла в бейсбол на улице. — Пошли, — сказал он Джеку.

Джек протянул Фарадея. — Возьмёшь его, чтобы я мог взять свои книги.

Эдвард осторожно взял пушистый комочек, напрягаясь в предвкушении шипения или чего-нибудь похуже. Он не привык к животным. Они ему нравились, но мама никогда не позволяла ему их брать. Он даже понятия не имел, как держать котенка, не говоря уже о том, как о нем заботиться.

Эдвард думал также. Он говорил довольно уверенно о том, что его мама позволит ему оставить Фарадея, но единственным домашним животным, которое у него когда-либо было, была золотая рыбка, которую он назвал Кусто.

Год назад у них была многочасовая мемориальная церемония после того, как Джек обнаружил Кусто, плавающего вверх тормашками в своем аквариуме.

Эдвард считал, что эта многочасовая церемония была излишней, но Джек объяснил, что Кусто прожил дольше, чем Джек и Эдвард (мама Джека купила Кусто для детской комнаты Джека еще до его рождения), поэтому он заслуживает соответствующего почтения.

Эдвард взглянул в глаза Фарадею. Котёнок уставился на него. Он нежно погладил котёнка по шерстке. Она была грязной и на ощупь жесткой.

— Ладно, — сказал Джек. — Идем.

— Куда? Домой?

— Давай зайдем в магазин за поворотом и купим ему еды. Потом мы пойдем ко мне домой.

Эдвард кивнул, и они направились дальше по улице.

— Ты не думаешь, что мы должны развесить объявления или что-то в этом роде? Что, если кто-то ищет его? — спросил Эдвард.

— Его зовут Фарадей, и я не думаю, что кто-то вообще ухаживал за ним.

— Почему ты так уверен?

— Откуда мне знать, что? Что никто о нем не заботился или что он мужского пола?

— И то, и другое.

— Ну, ответ всё тот же: я держал его в своих руках. Чувствуешь, какой грязный и лохматый у него мех на ощупь? Он оказался на улице, и его плохо кормят. — Джек взглянул на Фарадея, который отдыхал в руках Эдварда.

Эдвард чувствовал учащенное сердцебиение Фарадея и тепло его крошечного тела на своей груди. Во всем этом было что-то странно успокаивающее.

— Ну, я думаю, нам всё-таки стоит развесить объявления, — заявил Эдвард.

— Не робей следовать своим собственным намерениям. Моя повестка дня - забота о нашем новом котёнке.

* * *

Как и предполагал Джек, у его мамы не было никаких возражений против Фарадея. В этом не было ничего удивительного. Миссис Уэстон была профессором физики (именно поэтому Джека нельзя было винить в его одержимости двойственностью), и если она не преподавала в классе, то работала за компьютером. “Напечатай или погибни,” говорила она всякий раз, когда Эдвард отмечал, как усердно она работает. Миссис Уэстон не очень-то отдавала себе отчёт в том, что происходит в мире за пределами её работы.

Когда Джек был маленьким, в его доме всегда царил беспорядок. Теперь же она была совершенно чистой, но лишь потому, что он её вычистил. Он также научился самостоятельно готовить еду, потому что ему надоели разогретые в микроволновке обеды.

А теперь Джек сам учился ухаживать за котёнком.

Прошло три недели после того, как они нашли Фарадея, и он не только поселился в доме Уэстонов, но и стал его хозяином или, по крайней мере, хозяином Джека. Теперь гордый обладатель ультрасовременной станции для кошачьего туалета, кошачьего дома, и нескольких кошачьих кроватей, Фарадей выглядел и вёл себя как совсем другое животное, чем то, которое нашли Эдвард и Джек.

Объявления Эдварда не привели ни к каким звонкам по поводу Фарадея, и он испытал облегчение по этому поводу. Если бы объявления привели к тому, что кто-то забрал Фарадея,

он не был уверен, что Джек бы его простил. И, честно говоря, Эдвард бы сам себе этого не простил. Он любил Фарадей так же сильно, как и Джек. Вот поэтому он теперь проводил еще больше времени в доме Джека.

— Почему вы с Джеком больше не тусуетесь здесь? — спросила его мать накануне.

В это время Эдвард пытался прочесть новейший ужастик своего любимого автора. Он просто ответил ей: — Фарадей.

— Что за Фарадей? — его мать протянула руку и выхватила книгу у него из рук.

Эдвард стиснул зубы, но промолчал. Его мама поставила перед ним миску куриного супа. Он потянулся за крекерами, едва не опрокинул стакан с молоком и вовремя поймал его. Его мама бросила на него пристальный взгляд, который он проигнорировал.

— Разве ты не помнишь, как я рассказывал тебе о котёнке, которого мы нашли? Тот, для которого я делал объявления? — спросил он её.

— О, конечно. Этого котенка зовут Фарадей?

Эдвард кивнул и принялся за суп.

— а почему так? — спросила его мама.

Эдвард рассказал ей о Майкле Фарадее и сказал, что он почти уверен, что котенок достаточно умен, чтобы самостоятельно исследовать некоторые законы электрохимии, если бы у него конечно были большие пальцы. Котенок обладал необычайной способностью добиваться всего, чего он хотел.

Наглядный пример происходил прямо сейчас.

Отец Джека вернулся домой со своего последнего путешествия накануне вечера. По словам Джека, его отец сразу лег спать и не заметил нового члена семьи. Однако за несколько минут до этого он зашел в гостиную и плюхнулся в своё кожаное кресло. Потянувшись к пульту управления, его рука вместо этого наткнулась на кучку котенка.

— Какого чёрта?

Джек и Эдвард, которые сидели на большом коричневом ковре в комнате, забавляясь с Фарадеем лазерной указкой, замерли. Джек выключил лазерную указку. Фарадей осмотрелся, пытаясь найти свою пропавшую добычу. Когда он не смог найти ее, Фарадей спросил: — Миррп?

Джек был прав насчет многообразия звуков, издаваемых котенком. Фарадей обладал богатой речью, большую часть которой Джек и Эдвард понимали.

Миррп означал то же самое, что только что сказал мистер Уэстон: — Какого чёрта? — Или, возможно, версия Фарадея была более красочной. Эдвард точно не знал.

— Откуда здесь этот кот? — спросил мистер Уэстон, открывая банку содовой. Он поставил содовую рядом с подставкой, которую Джек неудачно поставил на край стола рядом с креслом.

— Мы нашли его, — сказал Джек, его привычная улыбка слегка дрогнула. — Мама сказала, что мы можем оставить его.

Эдвард был восхищен тем, как обычные сложные речевые обороты Джека превращались в простые предложения, когда он разговаривал со своим отцом. Бедный Джек. Он пытался наладить отношения со своим отцом. Это не принесло ничего хорошего.

— Она разрешила, так? — Мистер Уэстон сердито нахмурился.

Отец Джека не только не разделял его характер или интересы, но и совсем не был похож на Джека. Мистер Уэстон был широкоплечим и высоким. Его волосы были чёрными, как у Джека, но черты лица были совершенно другими. У него были выдающиеся черты лица — большие глаза, широкий нос, выдающийся подбородок.

— Какой толк от кота? — спросил мистер Уэстон.

Фарадей взглянул на отца Джека и сказал: “Миуу”. Затем он наступил на пульт, прямо на кнопку включения.

Телевизор включился. Шло кулинарное шоу.

Прежде чем мистер Уэстон успел потянуться к пульту, чтобы переключить канал, Фарадей взмахнул хвостом и снова наступил на пульт. Канал переключился, и на экране появился баскетбольный матч колледжа.

Отец Джека перевел взгляд с Фарадея на телевизор и обратно на него. — Неплохо, кот.

Фарадей сказал: — Миуу, — и спрыгнул со стола. Он понимал, когда его работа была закончена.

И это, по-видимому, было так. Мистер Уэстон устроился поудобнее, чтобы насладиться игрой, а Джек, Эдвард и Фарадей вернулись в комнату Джека.

Появление Фарадея в жизни Джека потребовало, чтобы Джек привнёс несколько изменений в свою комнату. Первой, конечно же, была уже упомянутая станция для кошачьего туалета, кошачья башня и кровати. Три кровати, если быть точным ... но технически, только одна из них была кроватью, мягкой, похожей на пуфик с отверстием посередине, чтобы Фарадей мог утонуть в ней; две другие были не совсем кроватями — одна была “спальной пещерой”, что-то вроде мягкого шалаша, а другая была гамаком.

В дополнение к этим основным кошачьим принадлежностям Джек и Эдвард провели большую часть предыдущих трех недель, превращая спальню Джека в рай для игр с котенком. Совместив свои знания физики и зарождающийся интерес Эдварда к обработке дерева, они соорудили серию платформ, рамп и “кошачьих дорожек” по всей комнате. Сеть кошачьих дорожек тянулась ввысь по заставленным книгами стеллажам Джека, а затем огибала комнату примерно на фут ниже потолка. В дополнение к этим трассам Эдвард и Джек построили серию механизмов цепной реакции, предназначенных для того, чтобы занять котёнка на несколько часов.

Фарадей всё это любил, однако больше всего он любил Эдварда и Джека. Фарадей был не просто умным котёнком, он был очень общительным котёнком. Ему нравилось играть в коллективные игры, такие как “поймай меня, если сможешь”, “держишь подальше” (что обычно означало, что он убежал с чем-то, чего люди не хотели ему давать) и прятки. Фарадей был слишком хорош во всех этих трёх играх. Он довольно часто проверял терпение своих опекунов до такой степени, что они не хотели иметь с ним ничего общего, но именно тогда он проявлял свою сверхспособность.

Фарадей прежде всего, был мастером обнимашек. Фарадей не был таким замкнутым, как любая кошка, об которой слышал Эдвард, он любил прижиматься к кому-нибудь и получать ласки. Его сила мурлыканья просто зашкаливала.

Устроившись ненадолго на коленях у Эдварда, он усилил свое мурлыканье до одиннадцатого уровня. Джек опустил в свое кресло и разложил учебники. Он ухмыльнулся Эдварду. — Разве это не самое выдающееся проявление эмпатии между человеком и кошкой, которое ты когда-либо видел?

Эдвард погладил Фарадея по спинке. Фарадей поднял свой хвост в “счастливую” позу, смутно напоминающую вопросительный знак и проурчал: — Прrrrrrrраар.

— Это было довольно удивительно, — сказал Эдвард.

Если говорить об удивительном, то разница в том, что чувствовал Фарадей между тем днем, когда его нашли, и сегодняшним днем была довольно заметной. Всего за двадцать один день Фарадей превратилась из тощего и жесткого в мягкого и шелковистого.

Теперь полностью насытив себя, Фарадей был олицетворением здоровья, и его мех блестел. Джек утверждал, что это произошло потому, что он использовал на Фарадее немного своего “препарата”, какой-то жидкости, которая якобы делала ваши волосы блестящими. Эдвард не был уверен, что на котах можно использовать средства для ухода за человеческими волосами, но ничего не сказал. Казалось, Фарадей никоим образом не пострадал.

Он почесал Подбородок Фарадея. Фарадей уткнулся головой в пальцы Эдварда и проурчал: — Плюrrrrмф.

— Мне кажется, нам следует разработать для него программу тренировок, — сказал Джек.

Эдвард недоуменно прищурился. — А ты вообще умеешь дрессировать котят?

— Конечно. Я нашёл книгу в Интернете. Её написала женщина, которая зарабатывает на жизнь кошачьими выступлениями, разъезжающими по всей стране. Я определенно не одобряю использование кошек таким откровенно корыстным предпринимательским способом, но, тем не менее, её навыки впечатляют.

— Это не совсем корыстный способ, — сказал Эдвард. — Я думаю, она также использует эти деньги, чтобы заботиться о своих кошках.

— Справедливое замечание.

— Я готов к тренировкам, — сказал Эдвард. — Что нам нужно делать?

— Согласно этой книге, мы начнем с простых фраз, а затем перейдем к более сложным.

—Фраз?

— Я возражаю против использования слова “приказов.”

— Эм, ладно.

— Учитывая его уровень гениальности, — сказал Джек, показывая на Фарадея, — я уверен, что он в кратчайшие сроки запомнит множество фраз.

— Не сомневаюсь.

* * *

Предположения Джека оправдались. До конца учебного года оставалось шесть недель, и всего лишь после трёх месяцев обучения, Фарадей превратился в выдающегося котика-актера. Когда Джек или Эдвард говорили Фарадею: “Не мог бы ты сесть, пожалуйста?” Фарадей садился прямо в позу “посмотри на меня, разве я не красавец.” Если бы сказали: “Не мог бы ты, пожалуйста, подойти ко мне?” Фарадей примчалась бы настолько радостным, насколько тебе будет угодно. “Пожалуйста, оставайся там, где ты сейчас, если можешь”, - заставило бы Фарадея замереть на месте.

Подобные вежливые просьбы могли заставить Фарадея лечь, сходить за чем-нибудь, помахать лапой, дать пять, перевернуться, покружиться по кругу, подпрыгнуть, перепрыгнуть через ваши руки и поклониться.

“Это было просто обалденно,” подумал Эдвард.

Теперь они перешли к чему-то вроде дрессировки собак на ловкость. В комнате Джека не было места, чтобы соорудить что-нибудь ещё, поэтому Джек и Эдвард попросили у его матери разрешения построить курс ловкости для Фарадея на заднем дворе. Поскольку ни миссис, ни мистеру Уэстону не было дела до дикой заросшей территории за их домом, она согласилась.

В ясные дни они часто играли с Фарадеем на заднем дворе. Поскольку он никогда не проявлял никакого интереса к тому, чтобы быть там, где не было Эдварда и Джека, они были уверены, что там он в полной безопасности. — Мы никогда не оставим его одного на улице, чтобы он переносил непогоду или лесные дебри, — сказал Джек, когда они в первый раз вышли на улицу, чтобы догнать Фарадея.

Эдвард согласился с этим. Он даже нервничал из-за того, что они вообще выходил играть на улицу. В первый раз они сделали это в результате жалобы миссис Уэстон на “шум”, который Фарадей устраивал по всему дому.

Фарадей уже не был размером с котёнка, и, хотя он все ещё был мастером по обнимашкам, его более длинные лапы и вытянутое тело часто доставляли ему неприятности. Также, как и Эдвард, он был склонен ронять вещи на пол. Единственная разница между Эдвардом и Фарадеем заключалась в том, что никто не говорил Фарадею постоянно быть осторожным.

В один жаркий день в начале мая Эдвард принёс несколько кусков дерева размером два на двенадцать дюймов на задний двор Джека. Удивительно, но мистер Уэстон помог Джеку и Эдварду купить древесину для их проекта. Эдвард предположил, что мистер Уэстон был в восторге от того, что его сын заинтересовался чем-то “мужественным”, таким как деревообработка. Конечно, никто не сказал мистеру Уэстону, что Эдвард будет заниматься всем строительством, да и мистер Уэстон не задержался здесь достаточно долго, чтобы это узнать. По телевизору показывали бейсбольный матч.

Через открытое окно в задней части дома Джека, Эдвард мог смутно слышать игру, но её в основном заглушала соседская газонокосилка. Запах свежескошенной травы доходил из соседнего дома и смешивался с затхлым запахом мокрой земли на неухоженном дворе Уэстонов.

— Я думаю, что мы должны сначала разметить нашу планировку мелом, — сказал Джек, когда Эдвард продемонстрировал ему свои чертежи для курса ловкости Фарадея.

Эдвард пожал плечами. — Хорошо.

Пока Эдвард носил доски, старые шины и трубки туда и сюда, он сообразил, что отметки Джека будут означать его вклад в проект... и он объяснял Эдварду, где разместить различные элементы трассы.

Пока Эдвард и Джек планировали курс ловкости для Фарадея, Фарадей бродил по двору в поисках больших листьев, оставшихся после падения. (Они были следующей лучшей для него игрушкой после лазерной указки.)

Время от времени сильный ветерок раскидывал вокруг листья, развлекая Фарадея, пока Джек планировал, а Эдвард занимался работой.

В следующие недели Эдвард будет задаваться вопросом, не упустил ли он в тот день какой-нибудь знак, что-то, что предупредило бы его о надвигающейся катастрофе. Был ли где-то намек на тот момент, когда они тренировались с Фарадеем? Шёпот богов? Какие-нибудь намёки на опасность?

Он зачастую не обращал достаточного внимания на то, на что ему нужно было обратить внимание, и мысль о том, что он пропустил важное предупреждение, часто не давала ему уснуть, задавая вопросы. Тем не менее, он никогда не мог точно определить, что предупреждало бы его о том, что должно было произойти. И он полагал, что это было к лучшему.

В каждом раю таилась змея. В "Эдварде, Джеке и рае Фарадея" змеей была бабочка — красивая оранжевая порхающая бабочка-монарх.

Эдвард часами изучал бабочек после того, как это случилось. Он хотел понять, было ли появление бабочки случайностью или он должен был знать, что бабочки летают повсюду. Так получилось, что май действительно был самым обычным периодом для бабочек. Бабочки-Монархи, как узнал Эдвард в течение ужасных недель после того дня, откладывают яйца в марте и апреле. Из их яиц вылупляются личинки, которые превращаются в гусениц, а затем, через две недели после этого, гусеницы находят подходящее укромное место, чтобы приступить к созданию куколки, из которой и появляются бабочки. Первое поколение бабочек-монархов живет всего от двух до шести недель. Они отлично питаются в течение этого короткого периода, а затем умирают, отложив яйца для второго поколения бабочек-монархов. И это именно то поколение, из которого вышло зло.

Эдвард жалел, что ничего не знал о бабочках. Ему хотелось думать, что он и его лучшие друзья ни за что не оказались бы снаружи, если бы он знал больше. Но откуда ему было знать, что Фарадей примет бабочку за разноцветный летящий листочек?

Фарадей заметил бабочку прежде, чем её заметили Эдвард или Джек. Как только он заметил её, он сразу же помчался за ней, точно так же, как гнал за листиком. Поначалу Эдвард и Джек сочли выходки Фарадея забавными. Это походило на просмотр балета: гибкий, изящный чёрный кот, изящно подпрыгивающий; летящая и пикирующая лёгкая бабочка. То, как лапы Фарадея тянулись к бабочке, рассекая воздух, было восхитительно.

Но затем их кот забежал за угол на передний двор.

— Фарадей, не мог бы ты, пожалуйста, вернуться сюда? — крикнул Джек, когда Фарадей завернул за угол дома.

Фарадей не вернулся.

Джек повторил "фразу".

Фарадея не было.

Эдвард и Джек переглянулись и одновременно рванули с места. Они свернули за угол дома и увидели Фарадея на краю двора, счастливо прыгающего за бабочкой.

— Фарадей, иди сюда! — Джек закричал, и все опасения по поводу приказов исчезли.

Фарадей вёл себя так, как будто бы ничего не слышал.

Эдвард не думал о том, чтобы позвать Фарадея. Он просто бросился бежать через двор. Фарадей не обращал на него внимания, поэтому Эдвард планировал застигнуть кота врасплох и покончить со всем этим тревожным моментом.

Но Фарадей сделала рывок, когда Эдвард рванулся к нему – прямо на улицу.

— Фарадей! — Джек и Эдвард закричали в один голос.

Из-за того, что Эдвард рванул к тому месту, где был Фарадей, Джек оказался ближе к Фарадею, когда тот выскочил на улицу. Джек не отличался особой быстротой, но в тот день он двигался со скоростью света. Его обычная улыбка сошла с лица, губы решительно сжались, он выскочил на улицу вслед за котом и бросился к Фарадею как раз в тот момент, когда из-за угла с рёвом выехал грузовик направляясь прямо к коту и мальчику.

— Стой! — заорал Эдвард.

Он сам не был уверен, кому кричал. Водителю грузовика? Фарадею? Джеку?

Единственным, кто, по-видимому, услышал его, был водитель грузовика.

Когда Эдвард бросился на дорогу, чтобы спасти своих друзей, водитель грузовика нажал на тормоз. Шины завизжали, но грузовик ехал слишком быстро, чтобы остановиться вовремя.

— Нет! — Завопил Эдвард, когда грузовик налетел прямо на Джека и Фарадея, а затем переехал обоих.

Застыв, Эдвард уставился на изуродованные тела Джека и Фарадея. Он даже не подошёл, чтобы проверить, живы ли они. Они оба лежали, вывернув шеи под странным углом, их глаза были открыты... но пусты.

Эдвард попятился, повернулся, и его вырвало в ров. Затем его ноги подкосились, и он рухнул на асфальт. Он странным образом слышал жужжание газонокосилки по соседству, но больше он ничего не слышал. Водитель вышел из своего грузовика и что-то говорил по телефону. Кто-то с противоположной стороны улицы мчался к нему с раскрытым ртом, как если бы кричал. Но все это было размыто и приглушено. Единственное, что Эдвард мог ясно видеть, это то, что осталось от Джека и Фарадея, и всё, что он мог сделать, это просто сидеть на улице и смотреть в незрячие глаза двух своих лучших друзей.

* * *

Несмотря на то, что мать Эдварда разрешила ему побыть дома несколько дней, она заставила

его ходить в школу в течение последних двух недель в этом году. Он шёл ... как зомби. Он с легкостью закончил свою курсовую работу и отправился домой с неопишуемым облегчением, когда занятия закончились. Его план на лето состоял в том, чтобы лечь в постель и остаться там навсегда.

Его мать пару недель терпела замкнутость Эдварда после окончания учебного года, но затем начала уговаривать его выбраться из дома и "заняться чем-нибудь, чтобы отвлечься." Как будто это было вообще возможно. Мысли Эдварда больше не принадлежали ему. Он застрял в бесконечной временной петле, в которой раз за разом прокручивался худший момент его жизни.

Он всё время видел этот момент: весёлый Фарадей, играющий на улице, запаниковавший Джек, несущийся быстрее, чем он когда-либо бегал раньше, и их обоих переезжает грузовик. В ушах Эдварда снова и снова звучала звуковая дорожка этого момента, скрип шин, глухой удар. Раздался глухой хруст, когда Джек упал на тротуар. Сильный, пронзительный вопль, который расколол мир, когда отец Джека вышел на улицу. Эдвард не мог отвлечься от того, что было в нём навсегда запечатлено.

Эдвард больше не находился во вселенной, в которой жил всего несколько месяцев своей жизни. Вселенная Джека и Эдварда рухнула самостоятельно. Эдварда вытянули из неё и бесцеремонно выбросили в это мерзкое измерение, где он был абсолютно один... если не считать его маму.

Его мама уже сидела на краю его кровати, суется с торчащими прядями волос, которые никак не хотели сочетаться с её причёской. Она оглядела его грязную комнату.

Эдвард заметил, как напряглись мышцы на шее его мамы, когда она посмотрела на горы посуды на его столе и на полу. Её внимание переключилось на гору книг рядом с его кроватью. Отчаянно пытаясь выбраться из временной петли, он одержимо читал все научно-фантастические книги, которые у него были. Он брал книгу, читал её, а затем бросал на пол. Его книжные полки были почти пусты. На его полу ничего не было.

Его мама развернулась, чтобы посмотреть на него. Её нос дёрнулся, и он знал почему. Он не принимал душ и не переодевался в пижаму с тех пор, как закончилась школа.

— Эдвард, я понимаю, что ты горюешь, — начала его мама, — но...

Он непонимающе посмотрел на неё.

Она нервно сглотнула и прокашлялась. — Ты не хотел бы с кем-нибудь это обсудить?

Эдвард отрицательно покачал головой. С кем ему было это обсуждать?

— Я имею в виду с кем-то вроде психолога? — его мама попыталась.

— нет! — Фраза сорвалась с его губ еще до того, как он понял, что собирался сказать. Мысль о том, чтобы говорить с каким-то совершенно незнакомым человеком о своей боли, заставляла его чувствовать себя еще хуже, чем сейчас.

— Ладно, — быстро ответила его мама. — ладно. — Она дотронулась до его плеча. — Я просто... просто не знаю, как тебе помочь.

— Единственное, что могло бы мне помочь, - это вернуть их назад.

Его мама поморщилась, и ее глаза наполнились слезами. — Мне очень жаль. — Она судорожно сглотнула и отвернулась от него. — Если б вы двое только не нашли этого глупого кота.

— Фарадей не был глупым! — прокричал Эдвард. Он сжал кулаки на своей простыне с космическим рисунком. Его рука сжала ярко-фиолетовую галактику в виде спирали.

— Фарадей был лучшим котом на свете! — Эдвард заорал на свою мать. — Лучше, чем большинство людей! — Его крик стал еще громче, и он почувствовал, как изо рта у него брызнула слюна. — Я рад, что мы нашли его. Он был единственным другом, который у меня когда-либо был, помимо Джека! — Грудь Эдварда тяжело поднялась. Он дышал с трудом.

— Ох, Эдвард, — промолвила его мама. Она встала и подошла к нему, крепко обняв его, отчего дышать ему стало еще сложнее.

Однако он и не пытался вырваться. Сейчас он уже рыдал.

Его мама начала убаюкивать их обоих. Он не сопротивлялся. — Прости, — прошептала она ему на ухо. — Мне так жаль. Я вовсе не имел в виду то, что я сказала. Я ужасно себя чувствую из-за того, что тебе так больно. Мне невыносимо видеть тебя в таком состоянии.

Эдвард почувствовал, как давление начало покидать его тело. Он расслабился в объятиях своей мамы, однако так ничего и не сказал. Он еще не был готов простить её за то, что она сказала.

С тех пор, как Джек и Фарадей... с тех пор, как они ... Эдвард ненавидел даже думать об этом слове — умерли — и мама Эдварда, и мама Джека обвиняли во всём Фарадея. Теперь миссис Уэстон называла Фарадея “этим ужасным котом.”

Он возненавидел её за то, что она обвиняла Фарадея. Фарадей не был в этом виноват.

А чья тогда это была вина?

Эдвард считал, что это была общая вина. Конечно, во всем была виновата бабочка. Если бы эта бабочка не вылетела на улицу, Фарадей не выскочил бы на дорогу. Если бы Фарадей не выскочил на дорогу, то и Джек тоже не выскочил бы на дорогу.

По словам полиции, водитель превысил скорость на двадцать миль в час; это доказывали следы заноса на шинах. Так что, разумеется, водитель тоже был отчасти виноват. Мама Эдварда сказала, что полиция предъявила водителю обвинение в непредумышленном убийстве.

Эдвард считал, что Уэстоны тоже были виноваты. Они были теми, кто сказали, что Фарадей был слишком “шумным”, чтобы всё время играть в доме.

Может быть, виновата была женщина, написавшая книгу по дрессировке кошек. Если бы она не написала эту книгу, они с Джеком никогда бы не додумались построить курс ловкости для Фарадея.

И, конечно же, они с Джеком тоже были виноваты. Если бы они были более внимательны, если бы они сразу же погнались за Фарадеем, когда он забежал за угол, если бы они не были так самоуверенны в дрессировке Фарадея и не были так уверены, что Фарадей выполнит их “фразу”... Если, если, если.

Но что хорошего было в том, что он распределял вину? Это не изменит исход.

Мама Эдварда отпустила его. Она поцеловала его в лоб и сморщила нос.

— Мне нужно на работу. С тобой все будет в порядке?

Он взглянул на морщинки, образовавшиеся между ее глазами. Он подумал, что там возможно больше полос, чем было раньше... ну... раньше.

— Со мной все будет в порядке, — заверил он её.

Она отодвинулась и несколько секунд пристально смотрела на него. Затем она встала. — Возможно тебе стоит принять душ. — Она подмигнула ему.

Эдвард слегка усмехнулся. — Я пытался установить рекорд по вонючести среди людей.

Она улыбнулась в ответ. — Хм. Что ж, не думаю, что тебе предстоит далеко зайти, чтобы достичь этого.

— На самом деле, — начал Эдвард, — в Индии есть шестидесятипятилетний мужчина, который тридцать семь лет не мылся. Какое-то время все думали, что он самый вонючий мужчина в мире, но потом они нашли одного иранского парня, который не мылся шестьдесят лет. Ему восемьдесят, и он терпеть не может воду, он ест много вонючего мяса – самое любимое – дикобраза – и он набивает свою трубку для курения животными, эм, экскрементами.

— Ты ведь это выдумал. — Глаза его мамы были широко открыты, а ее рот скривился.

— Нет, серьезно. Я прочитал об этом на нескольких сайтах.

Его мама взъерошила ему волосы, и на этот раз это почему-то его не смутило. Он улыбнулся ей.

— Что ж, — сказала она, — тебе не удастся побить рекорд. Потому что, если ты не примешь душ к концу дня, пицца тебе не достанется.

Эдвард взглянул на свою маму с наигранным ужасом. — Никакой пиццы?!

Она улыбнулась ему и выпрямилась. Она помедлила. — Ты позвонишь мне, если я тебе понадобится?

— Конечно.

Эдвард осознал, что на несколько секунд, говоря о самых вонючих мужчинах, он забыл о своей грусти. Он почувствовал себя немного неловко из-за этого. Как он мог позволить себе отвлечься от своей печали? Джек и Фарадей были важнее каких-то вонючих мужиков.

Его мама смотрела на Эдварда ещё несколько секунд, затем глубоко вздохнула и вышла из его комнаты. Он услышал, как она пошла по маленькому коридору. Он расслышал, как она звякнула ключами и защелкнула сумочку. Затем он услышал шорох, стук её шагов, трение её колготок и стук её высоких каблуков.

— Я вернусь домой к обеду, — крикнула она.

Входная дверь открылась и захлопнулась со скрипом и глухим ударом. Он сидел в тишине и слушал, как двигатель машины его мамы с жужжанием пробуждался, затем он один раз взревел, а потом тихо заурчал, когда она переключила передачу.

Урчание напомнило ему о Фарадее.

Он плюхнулся на подушки и накрылся с головой одеялом. Лежа под одеялом, он тихо вздыхал и выдыхал. Ему здесь нравилось. За последние несколько недель он провел здесь очень много времени. Это было что-то вроде тюремной камеры, или максимально похожей на неё, насколько он смог этого достичь. Всё, что он слышал, это звук своих вдохов и выдохов, и когда он сосредоточился на этом звуке, он разучился обращать внимание на ощущения от одеяла, которое трется о его кожу, и на матрас под ним. Он также позабыл о кислом запахе своего дыхания и запахе своего тела. Он погрузился в какое-то забвение. В этом состоянии он мог бы заставить мысленное отображение застыть на несколько секунд. Но затем всё повторялось снова ... прямо как сейчас. Эдвард отбросил одеяло. Он вздохнул... и тут же пожалел об этом. Как же эти старики выдерживали свой же запах? Он не мылся всего две недели, а ему уже хотелось броситься к ближайшей ванне.

Вздохнув, Эдвард встал с кровати. Ему необходимо было принять душ.

* * *

Когда Эдвард вернулся в свою спальню после очень долгого, очень горячего, очень мыльного душа, контраст между его только что вымытым состоянием и запахом затхлого воздуха в его комнате был сильнее, чем он мог выдержать. Он обошел все эти горы книг, чтобы добраться до своего окна. Открыв штору, он впустил столько солнца, что у него заслезились глаза, поэтому он оставил штору открытой только на некоторое время, чтобы открыть окно. Затем он снова задёрнул штору. Он нуждался в свежем воздухе. Но к свету он не был готов.

Тёплый ветерок подцепил виниловый щиток и раскачивал его взад-вперед по оконной раме, издавая свистящий звук каждые несколько минут. Эдвард проигнорировал этот звук и оглядел свою комнату.

Как много часов Эдвард и Джек провели в этой комнате? Может быть, ему стоит сесть и подсчитать это. Чтение научной фантастики, похоже, было недостаточно, чтобы отвлечь его разум от кошмара, который он прокручивал в голове. Возможно, сложная математическая задача ему поможет.

Эдвард подошел к своему столу, выдвинул ящик и достал оттуда блокнот, карандаш и калькулятор. Он взглянул на край своего антикварного стола из орехового дерева. Его мама купила ему этот стол, когда они с Джеком учились в средней школе. Джек очень завидовал ему, потому что он был очень большим. Письменный стол Джека представлял собой тонкую конструкцию, сделанную из древесностружечных досок, покрытых древесной фанерой. Он заявил, что это не способствует развитию клеток его мозга. Так что Эдвард разрешил Джеку пользоваться своим столом большую часть дня. За последние два года Джек сделал много своей домашки за этим столом. А Эдвард делал её на своей кровати.

Эдвард протёр глаза и отвернулся от стола. Ему нужно было прибавить еще тарелок к куче, чтобы он совсем не мог видеть стол. Он перенес блокнот, карандаш и калькулятор на кровать, поставил на стол еще тарелок и отмахнулся от этих воспоминаний.

Он подошёл к своим книжным полкам. Там осталось всего несколько книг. Его наименее любимые. Они безжизненно лежали в слоях пыли, спрятавшихся за другими книгами. Он вздохнул и вернулся к своей кровати.

Плюхнувшись на кровать, он взял свой блокнот. Ладно. Сколько же часов Джек провел в этой комнате?

До того, как они помогли Фарадею, они с Джеком почти равномерно распределили своё время между комнатой Джека и его комнатой. Так что всё, что ему нужно было сделать, это подсчитать общее количество часов, которые они провели вместе, и разделить его пополам. Он попытался найти свое самое раннее воспоминание о Джеке. Это оказалось просто.

Это было сразу после Рождества, когда ему было всего два года. Отец Эдварда купил ему огромный набор кубиков, так что они с Джеком построили огромный замок. Тогда Эдвард решил стать драконом. Он раскинул руки, чтобы воссоздать драконьи крылья, и ударил рукой в один из самых верхних блоков. Это привело к постепенному разрушению всех их усилий. В считанные секунды блоки из замка превратились в груды обломков. Как только это произошло, Джек вскинул свои маленькие ручки, улыбнулся и крикнул: — Земляной пирог!

Эдвард почувствовал, как что-то капнуло с его подбородка, и понял, что плачет. Он отбросил блокнот и вытер лицо.

Это не помогло. Он не мог подсчитать часы, которые они с Джеком провели вместе, не вспомнив о том времени, которое они провели вместе. Он не был к этому готов.

Он снова посмотрел на свои пустые книжные полки. Ему было нужно еще больше книг.

Но чтобы достать их, ему придется пойти в библиотеку. Брось это. Он не собирался выходить из дома.

Это привело к тому, что у него остался только телевизор. Эдвард вздохнул, вышел из своей комнаты и прошел по коридору в гостиную в передней части дома.

В гостиной пахло лимонным опрыскивателем, которым пользовалась его мама. Это было не так уж плохо. Все же это было лучше, чем запах его спальни.

Трудность с гостиной заключалась в том, что она была слишком освещена. Голубой небесный день за окном дома пробивался в комнату. Эдвард отступил в холл, наблюдая, как несколько детей на улице проезжают мимо на велосипедах. Он дернулся при звуке проносящейся мимо машины. Это был тот звук, который он хотел бы никогда больше не слышать.

Эдвард задумался над тем, чтобы вернуться в свою комнату, но там его ждало слишком много воспоминаний и скудное количество книг. Телевизор был его единственной надеждой на спасение.

Сделав глубокий вдох, Эдвард направился по ковру к бежевому дивану, стоявшему под панорамным окном. Шторы на окне были распахнуты. Он подошел к окну и задернул шторы. Плотные темно-бордовые шторы казались теплыми, а в комнате царил полумрак. Так что, как только он закрыл их, комната стала походить на пещеру. Мало того, что свет был перекрыт, так еще и звуки снаружи были приглушены. Так было лучше.

Эдвард плюхнулся на диван и взял пульт.

После нескольких минут сёрфинга по каналам, Эдвард остановился на серии старого научно-фантастического сериала, который, к счастью, удерживал его внимание до рекламного ролика. Когда появилась реклама какого-то “потрясающего” чистящего средства, он выключил звук у телевизора и подумал о том, чтобы встать и взять пачку чипсов с кухни. Он уже хотел встать, но тут реклама чистящего средства пропала, и экран заменила новая реклама.

На фоне черно-белой шахматной доски на экране появились большие красные слова:

СКОРБИТЕ О ПОТЕРЕ ЛЮБИМОГО ПИТОМЦА?

Эдвард замер и уставился в телевизор.

На экране появилось изображение большого мультяшного бурого медведя в цилиндре. Медведь говорил. Эдвард быстро включил звук у телевизора, когда на экране появились слова FAZBEAR ENTERTAINMENT, ПРЕДСТАВЛЯЮТ ДРУЖЕЛЮБНЫЕ ЛИЦА ФАЗБЕРА! проехавшие под медведем.

— Просто пришлите нам несколько волос вашего утраченного питомца, и позвольте Fazbear Entertainment сделать всё возможное! Мы используем ДНК вашего питомца, чтобы создать мордочку, которая будет выглядеть точно так же, как и у вашего любимого пушистого друга. Затем лицо соединят с аниматронным телом, чтобы создать преданного питомца, который будет вечно следовать за вами.

Изображение на экране сменилось на пример Дружелюбного Лица, и Эдвард с трепетом наблюдал, как оранжевая кот-робот бегал за красной точкой лазерной указки.

— Какую же ничтожную цену нужно заплатить, чтобы снова почувствовать радость, а не погрязнуть в этих печальных чувствах утраты и печали. — Казалось, что медведь обращался напрямую к Эдварду, и Эдвард мог чувствовать пристальный взгляд холодных голубых глаз медведя.

На экране возникло еще больше красных надписей: ЛИШЬ НА ОГРАНИЧЕННОЕ ВРЕМЯ: ПОТРЯСАЮЩАЯ СКИДКА СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ВАС!

Медведь снова начал говорить. — И, если вы сделаете заказ в течение следующих тридцати минут, вы получите бесплатную доставку!

На экране появилась цена. Это было очень дорого, по крайней мере, для Эдварда, но он думал, что у него достаточно денег в его заначке.

Медведь наклонился вперед, отчего его общение стало еще более личным, почти сокровенным. — Если тебе не понравится твоё Дружелюбное Лицо, — сказал медведь, — тогда меня зовут не Фредди Фазбер. Медведь отклонился назад и улыбнулся, сверкнув широкой пастью, полной зубов. Он ткнул себя в грудь: — А я Фредди Фазбер, так что ты гарантированно будешь в восторге от своего нового верного друга!

Робот-кот снова появился на экране, и закадровый голос Фредди сказал: — Нет лучшего способа увековечить память о дорогом друге, чем с новым приятелем — кем-то, кто напомнит вам о воспоминаниях, которые вы создали со своим питомцем, вместе помогая создавать новые. Зачем довольствоваться урной с прахом или фотографией на стене, когда у тебя может быть мемориал, с которым ты сможешь поиграть, который составит тебе компанию в любое время, когда ты захочешь?

На экране появилось ещё больше красных слов: ПОЛУЧИ СВОЕ ДРУЖЕЛЮБНОЕ ЛИЦО УЖЕ СЕГОДНЯ! ЗВОНИ ПРЯМО СЕЙЧАС!

ЗВОНИ ПРЯМО СЕЙЧАС! исчезло, чтобы быть заменённым большим красным телефонным номером.

Эдвард растерянно огляделся в поисках чего-нибудь, на чем можно было бы записать номер. Конечно, ничего не было. Его мама содержала гостиную в излишней чистоте. В отчаянье он

дважды прочитал номер телефона, а затем начал повторять его мыслях.

Он вскочил и побежал на кухню. Он схватил блокнот, который его мама держала рядом с телефоном. Потянув его к себе, он сбил телефон со стойки. Он даже не попытался поймать его. Он с треском упал на пол, когда он записывал номер, прежде чем забыть его.

Эдвард выдвинул один из стульев из-под кухонного стола. Он сел на него и уставился на номер телефона. В гостиной по телевизору кричала женщина. Научно-фантастическое шоу продолжалось. Но ему было все равно – если бы это сработало, ему больше не понадобилось бы уходить от реальности.

Он улыбнулся, прочитав номер телефона. Впервые за последние несколько недель у него не было чувства, что какой-то монстр пытается вырвать сердце из груди Эдварда. Внезапно он уловил проблеск надежды на своё будущее. Может быть, у него все-таки будет друг.

Эдвард сам себе кивнул. Он собирался заказать Дружелюбное Лицо, и потом это было бы похоже на то, что Джек все еще был здесь. Пока у Эдварда был бы робот-Фарадей, он мог бы притворяться, что его друг где-то здесь.

Он поднялся и потянулся к телефону. Его здесь не было. — Ах да, — пробормотал он. Он глянул в пол и поморщился. В телефонной трубке была трещина. Его мать вряд ли была бы счастлива этим.

Он вставил телефон в розетку и услышал гудок. Что ж, по крайней мере, он все еще работает. Эдвард улыбнулся и набрал номер, который записал.

* * *

К тому времени, как Эдвард пообщался с милой дамой из Fazbear Entertainment и получил адрес, по которому он должен был отправить свои деньги и шерсть своего погибшего питомца, уже перевалило за полдень. Ему необходимо было поторапливаться.

Сейчас он крутил педали своего велосипеда на тротуаре, буквально в нескольких зданиях от дома Джека. У него был ком в горле, и чем ближе он подъезжал к двухэтажному кирпичному дому, где жил его друг, тем больше становился этот ком.

Улица Джека находилась всего в паре кварталов от улицы Эдварда. Как и улица, на которой жил Эдвард, улица Джека была застроена старыми домами, варьиовавшимися от причудливых домиков Ручной работы, подобных тому, в котором жили Эдвард и его мама, до больших домов в стиле тюдоров и высоких особняков в викторианском стиле. Все дома окружали древние дубы и ореховые деревья, перед некоторыми из них росли высокие живые изгороди. У других стояли заборы из прутьев или кованого железа. Если бы только у дома Джека был забор.

На улице было довольно тихо. Эдвард слышал, как за одним из домов завизжали несколько маленьких детей. Где-то вдалеке по радио играла бодрая поп-мелодия. Эта музыка казалась совершенно неправильной. Она должна была быть медленной и мрачной, в минорном стиле.

Когда Эдвард доехал до поворота прямо перед домом Джека, он остановился и прислонил свой велосипед к массивному стволу дуба во дворе рядом с домом Джека. Он встал на трясущиеся ноги и с усилием сглотнул, прежде чем посмотреть на дорогу.

Улица оказалась пустой, но, как показалось Эдварду, это было не так. Он стал тяжело дышать.

То, что было в голове Эдварда, стало больше и ярче, и внезапно, это, казалось, вырвалось из его головы и вспыхнуло на улице, как если бы он снова наблюдал эту сцену в настоящем времени. Здесь был Фарадей, радостно гонявшего бабочку. Здесь был Джек, на его лице застыло выражение ужаса. Здесь был грузовик-

Эдвард согнулся и сконцентрировался на дыхании. Он должен был покончить с всем этим.

Выпрямившись, Эдвард выбежал на улицу. Он даже не стал высматривать машины, осознал он, оказавшись на дороге; он просто бежал.

Он подбежал к тому месту, где лежали Джек и Фарадей. Он видел их здесь. Он понимал, что это была лишь проекция его разума, но они выглядели реальными, ужасающе реальными.

Поскольку он видел их, он точно знал, где можно найти немного шерсти Фарадея. Однако, когда он добрался к тому месту, он понял, что ему даже не нужна была бы эта удручающая реставрация его разума. Кровавое пятно указывало на место последних минут жизни Джека и Фарадея. Когда Эдвард увидел это, ему пришлось крепко закрыть рот, чтобы не вытошнить остатки своего непереваренного супа на дорогу.

Желая поскорее покончить с этим, Эдвард нервно оглядел область вокруг кровавого пятна в поисках черных волос. Наконец, он заметил что-то лежащее в самом конце пятна ржавого цвета. Вытащив из кармана целлофановый пакет, Эдвард быстро нагнулся, собрал волосы с дороги и положил их в пакет. Затем он подбежал к своему велосипеду, запрыгнул на него и поехал прочь настолько быстро, насколько мог. Всего через несколько минут он уже был у своего дома.

Вбежав в свой дом, Эдвард захлопнул дверь и тяжело дыша прислонился к ней.

Ладно. Самое трудное позади. Осталось сделать всего две вещи, и они очень просты.

Эдвард торопливо вошел в личный кабинет своей матери, безупречно опрятный и оформленный в кремовых и бледно-голубых тонах. Он подошел к стоявшему в углу комнаты сосновому шкафу и порылся в нем в поисках небольшого конверта с бархатной обложкой и пары марок.

Он взял их оба назад на кухню и вложил в конверт деньги и целлофановый пакет с волосами Фарадея. Он прибавил нужную стоимость доставки и, проверив время, вернулся на улицу к своему велосипеду и поехал на почту.

* * *

Дама из Fazbear Entertainment сказала Эдварду, что потребуются восемь недель, чтобы его Дружелюбное Лицо дошло до него. Целых восемь недель! Это было очень долго. Однако это было лучше, чем навсегда остаться без Фарадея и Джека.

Разумеется, он понимал, что его Дружелюбное Лицо не может и не сможет заменить Джека и Фарадея, но он надеялся, что наличие ожившего напоминания о котёнке, которого он и его лучший друг так любили, поможет ему снова захотеть жить. Поэтому прямо сейчас, его действительно не особо волновала собственная жизнь.

Эдвард отметил в своем календаре приблизительную дату, когда его Дружелюбное Лицо должно было прийти: 28 августа. Каждый день он зачеркивал клеточку и говорил себе, что стал на шаг ближе к тому, чтобы получить то, чего он ждал.

Лето было долгим и тоскливым.

Мама Эдварда предложила ему поехать в лагерь, но он категорически отказался. Она пригрозила отправить его в летнюю школу. — Тебе же нравится учиться, — уговаривала она его.

Он отрицательно покачал головой. — Если ты запишешь меня туда, я сбегу из дому.

— Если ты это сделаешь, я найду тебя.

— Я много читал, мам, — сказал Эдвард. — Я также много читал о том, как скрыться от мира. Найти меня будет нелегко.

Его мама лишь покачала головой и ушла на работу.

Когда мама Эдварда заговорила о переезде в другой город, чтобы начать все сначала, Эдвард понял, что ему лучше сделать что-нибудь, чтобы предотвратить такие решительные действия.

— Ты отвезешь меня завтра в библиотеку за кое-какими книгами? — спросил он ее за воскресным завтраком из пережаренных тостов. Его мама не отличалась мастерством на кухне, но большая часть того, что она готовила, было съедобным.

— Конечно! — сказала она. Нетерпеливость в ее голосе заставила его почувствовать себя нехорошо. Она подумала, что он собирается “прийти в себя”.

Он не собирался.

День тянулся за днем. Наконец, 28 августа наступило... и прошло.

Посылка не пришла.

Эдвард позвонил в Fazbear Entertainment. — Где мое Дружелюбное Лицо? — спросил он другую милую даму по телефону.

— Не мог бы ты назвать мне свое имя, родной?

— Эдвард Колтер.

Он услышал щёлканье клавиш по телефонной линии.

— Вот ты где, — спустя мгновение пропела она. — Из-за сбоя в производстве произошла задержка. Мы приносим свои извинения за причинённые неудобства, но ваше Дружелюбное лицо должно прийти примерно через две недели. Мы добавим купон на скидку для еще одного заказа Fazbear Entertainment в качестве извинения за задержку.

Эдвард тяжело вздохнул. Ему не нужны были никакие другие игры от Fazbear Entertainment. Ему нужен был его фарадей-робот.

Теперь ему придется вернуться в школу до того, как прибудет его аниматронный кот. Каким-то образом это сделало возвращение в школу еще более унылым, чем оно уже было.

Но что он мог ещё сделать, кроме того, как ждать?

Поэтому он стал ждать.

Прошло две недели с начала нового учебного года, две недели, пока его старательно избегали все одноклассники, две недели, пока с ним нянчились учителя, которым сообщили об майской “трагедии”, и Эдвард старался привыкнуть к тому, что он первокурсник и рядом с ним нет его друга. Каждый день являлся тренировкой на выносливость, он просто терпел долгие часы, прежде чем мог пойти домой и проверить свою почту.

В конце концов, днем в понедельник он вернулся домой и обнаружил, что на крыльце его ожидала посылка. — Да! — выкрикнул он, прежде чем схватить ее и занести внутрь.

Эдвард швырнул свой рюкзак на пол прямо у порога. Его мама терпеть не могла, когда он так делал, но он разберется с этим позже. Он вбежал на кухню со своей посылкой. Положив большую картонную коробку с логотипом Fazbear Entertainment на стол, Эдвард кинулся к подставке для ножей у плиты и вытащил нож для чистки овощей. От порыва ветра на улице зазвенело маленькое стеклянное окошко над раковиной. Он выглянул из окна. Черные тучи, которые он приметил высоко над головой, когда ехал на автобусе домой из школы, сгущались низко в небе. Их ожидал шторм.

Ему на это было плевать. Повернувшись спиной к окну, он вернулся к столу на кухне.

Снаружи безостановочно, почти яростно лаяла собака, да так сильно, что, если бы Эдвард не спешил открывать свою посылку, он бы проверил всё ли в порядке. Кроме бешеного пса, здесь было тихо. Единственным звуком в доме было тихое гудение холодильника.

Эдвард принялся осторожно разрезать печать на коробке Fazbear Entertainment box. Печать была в черно-белую клетку, как фон в рекламе, которую он видел. На нем также были наклейки Freddy Fazbear, расположенные через каждые пару дюймов. Он почувствовал себя немного неловко, когда разрезал зубастую улыбку Фредди.

Нож издал чиркающий звук, когда разрезал картон. Дыхание Эдварда превратилось в короткие взволнованные вздохи, которые слились с ритмичным движением ножа.

Эдвард не стал перерезать ленту на краях коробки. Он просто схватил за обе стороны крышки и дернул, с треском разорвав скотч. Глубоко вздохнув, он отбросил крышку и начал копать в пенопластовых шариках, которыми был покрыт его подарок.

Шарики разлетелись, когда он просунул руку сквозь них. Они покрыли весь стол и пол как снегом. Эдвард проигнорировал их, а также небольшую брошюру с инструкциями, которую он нашел в шариках. Он разглядел черную шерсть на теле кота среднего размера. Он чуть не трясся в предвкушении встречи со своим новым приятелем-роботом. Достав ещё пенопласта, он ухватился за своё новое Дружелюбное Лицо. Затем он вытащил его из коробки с ещё большим количеством шариков, разлетевшихся то в одну, то в другую сторону.

Эдвард вытащил Дружелюбное Лицо из коробки и поднес его к своим глазам.

Эдвард вскрикнул и уронил Дружелюбное Лицо. Он приземлился на свои лапы в открытую коробку, и пенопластовые шарики поддерживали его в вертикальном положении перед испуганным взглядом Эдварда.

Он, спотыкаясь, отошел от стола на пару шагов. Что же он натворил?

Эдвард мог слышать голос своей матери в своей голове: “Эдвард, ты должен быть аккуратнее!”

Сколько раз она говорила ему, что его целеустремленность приведет его к неприятностям?

Сколько несчастных случаев ему приходилось расхлебывать, только потому, что он не задумывался о том, что делает? Сколько раз он лаял в школе, становясь мишенью для бесчисленных шуток?

В тот день, когда Эдвард выскочил на улицу, чтобы собрать волосы с тротуара, единственное, о чем он думал, это о том, чтобы закончить свою отвратительную работу, чтобы он мог отослать свой заказ для своего Дружелюбного Лица. На самом деле он не думал о том, что делает. Он не проверил собранные волосы, чтобы убедиться, что это кошачья шерсть. Он просто собрал первые попавшиеся чёрные волосы и ушёл.

И вот то, что он получил за это.

Перед Эдвардом, восседающим на куче пенопластовых шариков, как уродливый король, сидел робот-кот, к жесткому, белому, как пудра, морде которого было прикреплено лицо... Джека.

Не Фарадея.

Джека.

Вместо милого, пушистого лица Фарадея – лица, которое Эдвард ожидал увидеть, когда открывал коробку, – человеческие волосы, присланные Эдвардом, привели к совершенно белому образцу мёртвого человеческого лица. Лица Джека.

На грубом металле карие глаза Джека были неподвижными, но, выглядело так, как будто они осмысленно смотрели на Эдварда, ожидая, что Эдвард что-нибудь скажет, чтобы Джек мог ответить со своим обычным наигранным проявлением знаний в области эзотерики. Эдвард с трудом дышал, глядя на слегка приплюснутый нос Джека, приподнятые в улыбке толстые губы и широкий подбородок. Это были черты Джека... присоединенные к аниматронному коту.

Это было омерзительно.

Эдварду стало плохо.

Тыльной стороной ладони оттолкнув Дружелюбное Лицо с пути, Эдвард высыпал остатки пенопластовых шариков из коробки. Он взглянул в пустую коробку и на то, что было наполовину его другом, а наполовину роботом-котом; затем он в бешенстве оглядел кухню. Приметив деревянную ложку в глиняном кувшине у плиты, которую его мать использовала для готовки, он бросился к ней и схватил её. Затем он взял коробку и поднял её на уровень кухонного стола. Он воспользовался ложкой, чтобы засунуть ужасное, что? существо? машину? – в коробку.

Он понимал, что ведёт себя как сумасшедший, но ему не хотелось прикасаться к этой штуке. Всё это было слишком жутко, слишком... неправильно.

Как только он засунул в коробку противное Дружелюбное лицо, он также сунул в коробку руководство по эксплуатации. Он даже не хотел заглядывать в это руководство. У него не было намерений активировать эту штуку.

Он снова огляделся. Он должен был избавиться от этого.

Он не собирался просто выбрасывать его. Во-первых, если бы он это сделал, его мама могла бы найти это. Во-вторых, из мусора можно было слишком легко выбраться.

Эдвард удивился и отступил на два шага от стола. Почему он только что подумал об этом?

Он потряс головой. Он не хотел задумываться о том ужасном месте, из которого возникла эта мысль. Он прочитал слишком много ужастиков и научно-фантастических романов, а также посмотрел слишком много фильмов ужасов.

Конечно, он вел себя глупо. Но он все равно не собирался выбрасывать эту штуку в мусорку. Нет. Он собирался закопать это.

Снаружи прогремел гром. Он посмотрел в окно. Небо по-прежнему клубилось. Ему нужно было поторопиться.

Схватив коробку, стараясь не прикасаться к тому, что было внутри, Эдвард поспешил к задней двери кухни. Он бросился к сараю на заднем дворе. Трясущимися пальцами он крутанул диск кодового замка. Ему понадобилось три попытки, прежде чем он сумел правильно выстроить цифры, чтобы открыть замок.

Наконец, он смог попасть в сарай. Он схватил лопату и побежал к краю двора, прямо к забору на границе участка. Если бы он мог спрятать Дружелюбное Лицо где-нибудь за пределами своей территории, он бы это сделал. Он хотел, чтобы это было где-нибудь далеко отсюда, но сейчас ему нужно было закопать эту штуку. У него не было никакого способа перенести его, и даже если бы он это сделал, грозовые тучи вот-вот разразятся. Он на самом деле не желал находиться на улице в грозу.

Поэтому он начал копать.

Он вырыл яму диаметром в два фута примерно в фут глубиной, когда краем глаза увидел вспышку молнии. Несмотря на то, что его руки болели, он начал копать еще быстрее. Всего за несколько минут он вырыл достаточно глубокую яму.

Вернувшись на террасу, Эдвард схватил коробку, а затем еще быстрее вернулся к вырытой яме. Небо над головой оглушительно загрохотало. Капля дождя упала ему на нос. Он перевернул коробку, вывалив содержимое в яму, отбросил коробку в сторону и принялся с бешеной скоростью засыпать яму землёй. Каждый ком грязи, попадавший в лицо Джеку, заставлял его вздрагивать. Он чувствовал себя так, будто заживо хоронил своего друга. Он готов был поклясться, что лицо Джека, несмотря на неизменную улыбку, выглядело осуждающим.

Не обращая внимания на осуждение на лице фальшивого Джека, Эдвард копал до тех пор, пока белое нечто не исчезло и, наконец, не было полностью скрыто. Втоптав грязь, поскольку она была повсюду на яме, он был недоволен оставшимся небольшим холмиком, но он надеялся, что дождь сможет достаточно размыть грязь, чтобы она улеглась на Дружелюбном лице и улеглась вокруг него.

Еще пара капель дождя упали на Эдварда. Грязными, ноющими руками он схватил пустую коробку и лопату. Он метнулся в сарай, вернул лопату на прежнее место и спрятал коробку за другими пустыми коробками, оставленными его матерью "на всякий случай". Он избавится от неё позже.

Едва успев закрыть дверь и защёлкнуть замок, он почувствовал, как хлынул ливень. К тому времени, как он вернулся на кухню, он уже весь промок. Войдя внутрь, он оставил грязь и воду на кухонном полу.

Он посмотрел на время по телефону. У него был всего час до того, как его мама вернется

домой. Он должен был поторопиться, ему нужно было избавиться от пенопластовых шариков и вымыть пол до того, как она доберется сюда.

* * *

Несмотря на то, что Эдварду было уже тринадцать, его мама до сих пор заходила в его комнату, чтобы поцеловать его на ночь. Обычно это раздражало его, но сегодня её беспокойство было приятным. Эдвард так перепугался от этого ужасного Дружелюбного Лица, что у него возникли проблемы с дыханием.

И погода тоже не помогала. За его окном была гроза, начавшаяся как раз в тот момент, когда он закончил закапывать робота-кота-Джека, и теперь она ломилась в дом, как войско, штурмующее замок. Каждый раскат грома звучал как выстрел катапульты, выпущенной в крепость. Каждая капля дождя, барабанившая по стене дома, звучала как град стрел, обрушивающихся на бедных измученных обитателей крепости. Именно такими Эдвард видел себя и свою маму — двумя беззащитными простолюдинами, сбившимися в толпу перед натиском врага, неспособных защитить самих себя.

Весь вечер Эдвард вздрагивал каждый раз, когда гремел гром. После третьего раза он ушёл в себя, как черепаха, спрятавшаяся в свой панцирь. Его мама спросила: — Эдвард, что такое? Раньше ты никогда не боялся грома.

— Дело не в громе, — ответил он.

— Тогда в чем? — На вечер её волосы были распущены. Они свисали вокруг её лица, отчего она выглядела гораздо моложе и дружелюбнее, чем, когда она заплетала их на работу. Она пристально посмотрела на него, как будто она могла понять, что с ним происходит, присмотревшись к нему достаточно пристально.

Он помотал головой. — ни в чём. Я всего лишь странно себя веду.

— Ты не странный, — сказала его мама.

Эдвард засмеялся. — А я-то думал, у вас, юристов, есть какой-то кодекс, запрещающий вам лгать.

Его мама улыбнулась. — Это так, но мне разрешено слегка исказить истину. Ты не странный. Ты уникальный.

Эдвард снова засмеялся. Затем дождь снова забарабанил по окнам. Он подпрыгнул. — Я собираюсь пораньше лечь спать.

Уже у его постели его мама потрогала его лоб. — тебе стало немного жарко. Похоже, у тебя жар. Может быть, именно поэтому гроза так тебя донимает сегодня вечером.

Эдвард лишь пожал плечами. — Может быть. — На самом деле это была не совсем ложь. У него просто мог быть жар, и это могло усилить тревогу, которая засела у него в груди, как горгулья.

— Тебе померить температуру? — спросила его мама.

Он помотал головой. — Это пустяки. Я всего лишь странный.

Его мама поджала губы, а затем кивнула. Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Я люблю тебя, малыш.

— Я тоже тебя люблю, мам.

Его мама бросила на него прощальный взгляд, подошла к двери, выключила свет и вышла из комнаты.

Эдвард не был готов сомкнуть глаза, поэтому он поморгал и дал глазам привыкнуть к темноте. Как только это произошло, он смог разглядеть различные предметы в своей комнате. Из-под двери в коридор проникало достаточно света, чтобы осветить очертания его стола, который все еще оставался в основном скрытым под грудой одежды, которую он отказывался трогать, и четкие контуры его полок. Небольшой ночник в противоположном конце комнаты освещал его доску объявлений настолько, чтобы напомнить ему о фотографиях, на которые он все ещё не мог заставить себя ни посмотреть, ни снять их.

Эдвард ощущал себя оцепеневшим, словно он был трупом.

Он вздохнул. Так зачем ему нужно было сравнивать себя с трупом? Что с ним было не так? Почему он позволил этому Дружелюбному Лицу настолько тревожить его? Это была просто глупая игрушка, которая испортилась.

Он дрогнул и натянул одеяло до подбородка. Или это так и было?

Проблема была в том, что это была не просто игрушка. Это было нечто, предназначенное для оживления, нечто, содержащее ДНК его мертвого друга. Он не хотел задумываться о тысяче и одном способе, который может оказаться плохим.

— Прекрати это! — прошипел Эдвард сам на себя.

Ему нужна была воображинотомия, или как там это можно было бы назвать, если бы воображение можно было отделить от разума человека. Его поведение сегодня было уж слишком мрачным.

Эдвард заставил себя закрыть глаза. Его внимание было сосредоточено на логической задаче с урока математики... И, в конце концов, он расслабился настолько, что заснул.

* * *

Эдвард резко приподнялся на кровати. Он сидел совершенно неподвижно. Он прислушался.

Что-то разбудило его.

Но что?

Дождь снаружи все еще барабанил по крыше. Гром был таким громким и таким мощным, что от каждого его раската дом сотрясался. Не это ли вырвало его из сна?

Он поморщился и продолжил вслушиваться. Он так не считал. Звук, который потревожил его, не был обыкновенным звуком. И это был не громкий звук. Это был едва уловимый звук, какой-то запутанный и хитрый звук. Что-то похожее на стук, но не дружелюбный стук, как от дождя.

Эдвард потянулся и включил маленькую медную лампу, стоявшую на его дубовом прикроватном столике. Как только он включил переключатель, вспышка молнии осветила задернутую штору на его окне, и лампа на прикроватной тумбочке погасла. Как и его ночник.

Из-за шторма отключилось электричество. Прекрасно. Это было просто прекрасно.

Эдвард нащупал в темноте ящик тумбочки и выдвинул его. Он взял свой фонарик и включил его.

Поколебавшись, чтобы понять, сможет ли он переубедить себя в том, что он что-то слышал, Эдвард не смог этого сделать и заставил себя встать с кровати. Он внимательно прислушивался, сосредоточившись на том, чтобы убрать звуковые слои шторма, чтобы он мог услышать то, что скрывалось под этими более напористыми звуками.

Что именно он услышал?

Эдвард посветил фонариком то в одну, то в другую сторону, пока ходил по своей комнате. Всё было на своих местах.

Добравшись до своей двери, он осторожно открыл её. Он выглянул наружу и направил луч своего фонарика вниз по коридору.

Холл был пустой.

На цыпочках Эдвард прошел по коридору и направил луч фонаря в гостиную. Всё выглядело совершенно нормально.

Из-за закрытой маминой двери он услышал храп. Она крепко спала.

Эдвард возобновил свой обход дома, заглянув в мамин домашний кабинет, в ванную и на кухню. Всё также было на своих местах.

Он вернулся в свою комнату, лёг в постель и выключил фонарик.

Как только он положил свою голову обратно на подушку, он услышал скрип.

Эдвард замер. Неужели это ему почудилось?

Если ему это не почудилось, значит ли это, что в доме что-то было?

Что-то?

Почему он подумал, что это что-то? Не было бы разумнее подумать, что это кто-то?

Конечно, это было разумно. Но точно ли? Он так не думал.

Он подождал, снова пытаясь вслушаться сквозь шум грозы.

Из-за его двери донесся слабый скрежет.

Эдвард снова включил фонарик. Он направил его на свою дверь, осветив дверную ручку. В его голове начали прокручиваться все сцены с медленно поворачивающейся дверной ручкой во всех ужасиках, которые он когда-либо смотрел, и к тому времени, когда он пробежался всего по нескольким из них, он готов был поклясться, что его дверная ручка также поворачивалась. Но так ли это было?

Не желая ничего, кроме как спрятаться под кроватью, закрыть глаза и заткнуть уши, Эдвард глубоко вздохнул и откинул одеяло. Не спуская глаз с дверной ручки, которая, кажется, совсем

не двигалась – так ведь? – Он прокрался через свою комнату, прислонился к двери и прислушался.

Дождь по-прежнему барабанил по крыше дома. Между порывами ветра гремел гром, обычно всего через секунду или около того после того, как комната на мгновение ярко вспыхивала; молния ударяла совсем рядом. Между шумом дождя и раскатами грома Эдварду было трудно различить какие-либо другие звуки. Но постойте, что это было?

Он поморщился, сильнее надавил на дверь и сосредоточился. Неужели ему послышался этот звук?

Нет. Это снова повторилось. Это был скрипящий звук, что-то вроде стука металла по дереву, только очень быстрый. Либо как шарики, падающие вниз по металлической трубе. И что это было?

Эдвард крепко сжал фонарик и открыл дверь.

Его фонарик был очень ярким – 2400 люмен, – поэтому он смог осветить весь зал, направив свет прямо перед собой. Зал, как и прежде, был пуст.

Он направил луч фонаря на дверь в гостиную. Тени из-под проема затаились в ожидании его. Он снова прислушался в течении нескольких секунд, а когда снова услышал звук – он был скорее похож на шуршание, чем на скрип? – он осторожно направился в гостиную.

Пока он шел, его фонарь и голова поворачивались то в одну, то в другую сторону. Почему он не мог разобрать, откуда доносится этот звук?

Этот звук, должно быть, из-за шторма. Царившая снаружи какофония мешала его слуху четко определять направление. На секунду ему показалось, что звук исходит из-за двери его матери. Но нет, это была просто ее кровать, скрипнувшая, когда она перевернулась во сне... Он был в этом почти уверен. В следующую секунду ему показалось, что звук доносится из гостиной. Но как только он вошел в эту комнату и посветил фонариком направо, налево и в середину, он не увидел ничего необычного. Затем он снова услышал звук, и ему показалось, что он доносился прямо из-за черного входа.

Он прокрался на кухню, затем резко направил луч фонаря на дверь. Она была закрыта на засов. Он услышал щелчок и направил свой фонарь влево. Ничего. Это, должно быть, был холодильник.

Покачивая головой из-за своей паранойи, Эдвард пробормотал: — Просто возвращайся в постель и веди себя как опоссум, хорошо?

Возвращаясь в свою комнату, он шел по своему пути через гостиную, его фонарь все еще судорожно искал источник странных звуков, и он вяло задавался вопросом, есть ли у опоссумов такое же сверхактивное воображение, как у него. Этот бессмысленный вопрос дал ему несколько секунд облегчения от напряжения, превратившего его мышцы в кольца, готовые разорваться при малейшем—

Пфф, пфф, пфф раздалось прямо у него за спиной.

Эдвард резко обернулся.

Его свет проникал в каждую темную щель гостиной. Он не нашел ничего необычного.

К этому моменту дыхание Эдварда стало прерывистым. Он был буквально в одном шаге от того, чтобы заорать во все горло. Он больше не мог этого выносить.

Эдвард промчался по коридору, ворвался в свою комнату и резко захлопнул за собой дверь. Он осветил фонариком всю свою комнату. Всё было точно так же, как он и оставил.

— Ты кретин, — пробормотал Эдвард себе под нос.

Он подошел к своей кровати, забрался в нее и укрылся одеялом. У его фонарика была широкая нижняя часть, так что он мог установить его вертикально. Он сделал это, затем лег на спину и уставился на искаженный круг света, распростертый на потолке. Луч фонарика упал на его маленький потолочный вентилятор и исказил его, превратив в множество щупалец моллюска. Это его слегка перепугало, но он не собирался выключать фонарик. Неа. Ни за что.

Эдвард сосредоточился на внешних краях света над ним. Еще один порыв ветра с грохотом обрушился на дом, и еще больше дождевых капель забрызгало его окно. Затем дождь и ветер на мгновение стихли. В этот момент Эдвард услышал постукивание ... чёткое, отчетливое постукивание. Это было похоже на то, как маленький зверек скачет по коридору.

На этот раз Эдвард не колебался. Он вскочил с кровати, схватил фонарик, подошел к двери и распахнул ее. Он направил свой фонарик на пол, уверенный, что осветит то, что приближалось к его комнате.

В коридоре ничего не было.

На улице снова поднялся шум от шторма. Дверь в гостиную озарилась светом, когда молния вновь пронзила ночь. Гром прогремел еще до того, как гостиная успела погрузиться во мрак. ветер усилился, и завыл по всему дому. Это было похоже на то, как будто разъяренные баньши падали на дом с ужасающей яростью.

Но несмотря на весь этот шум, Эдвард услышал иной звук. На этот раз это было тиканье, но не такое тиканье, как у часов.

Тик... тик, тик, тик... тик, тик... тик, тик, тик, тик, тик.

Последние пять тиков произошли очень быстро. А затем... ничего, кроме шторма.

Эдвард почувствовал, что вот-вот расплчется. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь был так напуган, ну, за исключением тех нескольких секунд, прежде чем Джек и Фарадей-

Эдвард простонала и повернулся, чтобы скрыться в своей комнате. Он захлопнул за собой дверь, не беспокоясь о том, разбудит ли это его маму, и даже втайне надеялся, что это и в правду её разбудит. Он бы никому в этом не признался, но ему нужна была его мама... невыносимо нужна.

Эдвард буквально сиганул обратно в свою кровать и свернулся калачиком под одеялом. Он прижал фонарик к груди, обнимая его, как плюшевого мишку. Если бы только у него был плюшевый мишка ...

Эдвард перевернулся на спину и сосредоточился на том, чтобы успокоить свою учащённую одышку. — Ты все это выдумал, — пробормотал он сам себе. — Это только у тебя в голове.

Он должен был отвлечься от вышедшего из-под контроля злобного фантастического мира. Он

решил прибегнуть к тому, что помогало ему в прошлом. Он повторял про себя число пи.

Эдвард начал говорить вслух: “Три целых один четыре десять один пять девять два шесть пять три пять восемь...” Его сердцебиение начало успокаиваться. Его мышцы стали понемногу расслабляться.

Он перестал повторять, нажал большим пальцем на кнопку на фонарике и, решившись, погасил его. Он продолжал держать фонарик в руках, но дал руке пасть рядом с собой. Он снова вернулся к своим приятным успокаивающим цифрам: “девять семь девять три два три восемь четыре шесть два шесть четыре три три восемь три два семь девять пять ноль два восемь восемь четыре один девять семь один шесть девять три девять три семь пять один ноль...”

Его глаза закрылись. Он почувствовал, как сон прокрался внутрь и обвил его своими успокаивающими объятиями. Он позволил ему увести себя от-

Стук, сопровождаемый шорохом, выдернул Эдварда из сна. Он вытащил руку из-под одеяла и включил фонарик. Его свет упал на изножье кровати...

И на измазанное грязью улыбающееся лицо Джека.

Эдвард всё кричал... и кричал.

Продолжая кричать, Эдвард дернулся назад, дрыгая ногами. Его одеяло запуталось в его дергающихся ногах, а простыня и покрывало слетели с кровати и кучей упали на пол.

Дверь в спальню Эдварда резко распахнулась, и в комнату вбежала его мама, держа перед собой свой собственный фонарик.

— Эдвард? — Она запыхалась. — Что случилось?

За полсекунды Эдвард увидел растрёпанные волосы своей мамы, её бледное лицо без макияжа, ее мятую пижаму. Затем он посмотрел за её спину, пытаясь разглядеть знакомое лицо, которое, как он знал, было прикреплено к роботизированной кошке.

Его уже не было у изножья кровати.

Куда он делся? Он должен быть где-то здесь.

Он не мог представить себе это лицо. Это было жуткое лицо фальшивого Джека, и оно смотрело прямо на него.

Но как?

Трясущимися руками Эдвард обвёл комнату фонариком.

— Эдвард? — повторила его мама.

Он провёл языком по губам, так как у него слишком пересохло во рту, чтобы он мог выговорить хоть слово. — Прости, мам, — наконец сказал он.

Она протерла свои глаза. — что произошло?

Эдвард продолжал водить фонариком по всей комнате. Он продолжал искать хотя бы намек на какое-нибудь движение. Но он не заметил ничего такого, чего здесь не должно было быть.

Он посмотрел на свою маму. — Мне показалось, что здесь что-то есть.

Его мама обошла комнату по кругу, освещая фонариком каждый угол. — Что именно здесь было? — спросила она.

— Эм ... Я не совсем уверен, — солгал Эдвард.

— Мне проверить, нет ли монстров под кроватью? — Его мама улыбнулась ему.

Эдвард напрягся. Находилось ли это под...?

Его мама наклонилась и посветила фонариком под его кроватью. — Нет. Никаких монстров. Только кое-что из твоего хлама и много пыльных зайчиков, которых здесь не должно быть.

Она выпрямилась, а затем снова наклонилась и подняла его одеяло. Отложив фонарик, она расстелила одеяло на кровати.

Эдвард осознал, что всё ещё сидит на корточках у спинки кровати. Он заставил себя вытянуть ноги и спрятал их под простыню и одеяло.

Его мама уселась на кровать рядом с ним. — Это из-за шторма. Мне он тоже слегка мешал спать.

Эдвард кивнул.

— Ну же, давай укутаем тебя поудобнее, — сказала его мама.

Он дал ей возможность поныть с ним. Он понимал, что дрожит, и очень надеялся, что она этого не заметила.

* * *

Незадолго до рассвета, шторм устремился к другому городу, чтобы измучить уже его. Эдвард проснулся, слушая, как он удалялся. Всю ночь он не мог заснуть.

По непонятным ему причинам он больше не слышал никаких странных звуков с тех пор, как его мама вернулась в свою постель. И в ту ночь он уже не видел лица Джека. Куда же он делся?

Большую часть ночи он пытался понять, не почудилось ли ему грязное, неподвижное бледное лицо его друга у изножья кровати. Нет, это так. Всё, что он делал, — это пытался убедить себя, будто он ничего не видел, что это была какая-то причудливая игра света, ошибочное восприятие, что его мозг превратил комок под одеялом в лицо Джека. Однако он знал, что обманывает себя. Он видел то, что видел.

Лицо Джека смотрело прямо на него. Это не было чем-то похожим на него. Хотя Эдвард, несомненно, хотел бы, чтобы это было так... Потому что после той ночи ему повсюду стало мерещиться жуткое лицо Джека.

В первый раз, когда Эдвард вновь увидел лицо Джека, он выходил из автобуса в конце дня после шторма. По-видимому, его одноклассники перестали жалеть его, и теперь они злились на него за то, что он предложил тему "Кот Шредингера" в качестве темы для доклада. Остановившись, чтобы избавиться от плевка, попавшего в него как раз в тот момент, когда он спускался по ступенькам автобуса, его взгляд упал на жёлтых мумий, окружавших гномов в

бейсболках миссис Филлипс. Её гномы носили бейсболки, начиная с сентября, пока не завершился Чемпионат мира.

Эдвард как раз запихивал свои вещи в рюкзак, когда увидел это лицо. Оно было прямо там, где они с Джеком нашли Фарадея, и оно смотрело на Эдварда из-под низко свисающей ветки рододендрона.

Эдвард ахнул и уставился на него. Затем он выпалил: — Что ты хочешь?

— Что я хочу? — спросила миссис Филлипс.

Эдвард вздрогнул и посмотрел на тропинку, ведущую к дому миссис Филлипс.

— Волшебное средство от сорняков, — сказала миссис Филлипс. — У тебя найдется такое средство?

Вдова стояла на коленях у края своей тропинки, выдергивая сорняки; её длинные седые волосы спадали на сгорбленные плечи. На ней был яркий спортивный костюм цвета хаки и сиреневые кроссовки.

— Ох, здравствуйте, миссис Филлипс. Я вас не заметил.

Она нахмурилась, проводя испачканными пальцами по своему загорелому, покрытому морщинами лицу. — Тогда с кем ты разговаривал?

— Эм? — Эдвард бросил взгляд обратно на цветочную клумбу. Лицо Джека исчезло.

Он снова перевел взгляд на миссис Филлипс. — Ох, я всего лишь репетировала реплики для школьной пьесы.

Миссис Филлипс улыбнулась. — Неплохо для тебя. Желаю тебе удачи в ней. — Она продолжила пропалывать сорняки, а Эдвард помахал ей на прощание и направился дальше по улице.

Пока он шёл, он осматривал окрестности. Куда делось Дружелюбное Лицо?

Или, что более важно, действительно ли он видел его снова?

Перед тем, как отправиться в школу тем утром, Эдвард подумывал о том, чтобы сходить во двор и посмотреть, закопана ли эта штука там, но у него не было возможности сделать это так, чтобы его мама не узнала об этом. Она уехала на работу как раз в тот момент, когда он ушел, чтобы успеть на автобус.

Сейчас он не был уверен, хочет ли он знать, был ли кот с мордой Джека всё ещё в яме. Если это было так, то это означало... что? Что он сходит с ума? Или что эта мерзкая штука обладает способностью откапывать себя и перезахоронять, только чтобы помучить его?

Всё это бесконечные возможности, прошептал голос Джека в его голове. К сожалению, сейчас Эдвард не был сторонником двойственности; это внушало слишком много пугающих возможностей.

Эдвард торопливо зашагал по тротуару. В головокружительном контрасте со вчерашним днем и предыдущей ночью, сегодняшний день был теплым и солнечным. Несколько человек по соседству занимались уборкой мусора, оставшегося после шторма. Множество веток упало на землю. Повсюду валялись листья и сучья. Эдвард слышал по меньшей мере три воздуходувки и

одну газонокосилку. Воздух пах перегноем.

Как только Эдвард дошел до своего дома, он краем глаза заметил что-то белое. Обернувшись, он был уверен, что видел кота с лицом Джека, пробегающего за домом его соседа. Эдвард уставился на него. Стоит ли ему идти за ним?

Он почувствовал, как его ноги начали дрожать. Что ж, вот и ответ на его вопрос. Он был слишком труслив, чтобы пойти за этой штукой и... что? Столкнуться с этим лицом к лицу? Уничтожить его?

Он понятия не имел, что ему делать.

Поэтому он ничего не будет делать.

Эдвард пробежал по дорожке к дому, открыл замок на входной двери и вбежал внутрь. И он захлопнул за собой дверь. Прислонившись к ней, он сделал несколько глубоких вдохов.

Стоит ли ему пойти на задний двор и начать выкапывать яму?

Он должен был это сделать.

Идя к двери, прежде чем он успел передумать, Эдвард вышел на задний двор и взглянул на то место, где он закопал кота с лицом Джека. Насыпь была сровнена с землей, но это вполне мог сделать дождь. Учитывая, что на вершине насыпи образовалась небольшая лужа, это было вполне возможно. Если не считать лужи, местность выглядела точно такой, какой её оставил Эдвард.

— Эдвард?

Эдвард резко обернулся. Его мама стояла на заднем крыльце.

— Что ты делаешь? — крикнула она.

— О, просто проверяю, нет ли, эм, повреждений от шторма

— Неплохая мысль. Именно поэтому я приехала домой пораньше. Хочешь помочь мне немного привести в порядок двор?

Столько всего нужно для того, чтобы выкопать яму. Эдвард не мог не подметить, что почувствовал облегчение.

— Конечно, — ответил он. Он повернулся спиной к месту захоронения Дружелюбного Лица и направился к своей маме.

* * *

Тем вечером, когда Эдвард лег спать, он был слишком уставшим, чтобы беспокоиться о том, что делало Дружелюбное Лицо. А на следующий день ребята в школе были настолько язвительны, что он начал думать, что, в конце концов, было бы неплохо иметь рядом Дружелюбное Лицо. Может быть, этот странный робот был единственным другом, на появление которого он мог надеяться.

Но нет. Он не хотел, чтобы эта штука была его другом. Он этого совсем не хотел.

Именно поэтому к концу недели Эдвард превратился в беспокойную кучу сверхчувствительных нервов. Похоже, не имело значения, чего именно он хотел. Ему повсюду мерещился кот с лицом Джека.

Или, по крайней мере, он так думал.

Когда Эдвард и Джек учились в младших классах средней школы, они выискивали любые подходящие укромные местечки в школе, где они могли тусоваться, не сталкиваясь с другими детьми. Они частенько говорили о том, что их первой задачей, как первокурсников, будет поиск подобных мест в старшей школе. Что ж, Джека здесь не было, чтобы помочь, но Эдвард все равно отправился на поиски убежища, и он нашел его... в старом, неиспользуемом чулане; под чёрным ходом; во внутреннем дворике; за учительской; за секцией сборных трибун в спортзале. Но везде, куда бы он ни приходил, кот с лицом Джека также находил его. Ему пришлось воспользоваться каждым из своих укромных мест только один раз, прежде чем он замечал лицо, смотрящее на него из самых темных мест.

Дважды он был уверен, что видел Дружелюбное Лицо, сгорбившееся под кустами у входа в школу, спрятавшееся среди листьев, вне поля зрения случайного прохожего. Дома он заметил лицо Джека среди кустов и рассады во дворе – оно выглядывало из-за гортензии за кухонным окном, выглядывало из-за живой изгороди за окном гостиной и пряталось в ветвях свисающего куста форзиции под его собственным окном.

И звуки, которые он слышал в ту ночь во время шторма... Теперь он слышал их повсюду. Стрекошущие, тикающие, странные воздушно—стучащие звуки - теперь он постоянно слышал их в своих укромных местах в школе, в своём доме. Каждую ночь на этой неделе он слышал странный свистящий стук за своей дверью.

Разумеется, он никогда не открывал свою дверь, чтобы взглянуть, что там находится. Однако он спал с включенным светом. Он дожидался, пока его мама заснет, и включал свою медную лампу. На первую ночь ему плохо спалось при таком освещении. Однако на следующую ночь он сразу же заснул, вероятно, потому, что был так измотан после двух ночей, проведенных практически без сна.

Наступила пятница, прошло четыре дня после шторма, а Эдвард до сих пор не отправился выкапывать “могилу” кота с лицом Джека. Спустя два дня после шторма вновь пошёл дождь, который не прекращался... до сегодняшнего дня.

В полдень выглянуло солнце, пока Эдвард в одиночестве ел свой бутерброд с арахисовым маслом у окна в школьной столовой. Именно тогда он решил, что должен будет проверить яму, когда вернется домой. Если дружелюбное Лицо будет всё ещё там, ему, вероятно, придется попросить маму отвезти его на МРТ(прим. Переводчика: Магнитно-резонансная томография). Может быть, у него есть какая-то раковая опухоль. Или, может быть, он сходит с ума. Возможно, он даже выдумал всю эту историю с Дружелюбным Лицом, от начала до конца. Хотя даже сейчас эта мысль казалась ему нелепой.

Задержавшись после уроков, Эдвард рысью направился к автобусу. У него было довольно много времени, однако даже так он не мог выбрать себе место куда ему хотелось бы сесть. Были места с ребятами, с которыми он никогда не хотел бы сидеть рядом, с ребятами, которым нравилось мучить его еще больше, чем другим.

Он задержался, потому что после последнего урока он зашёл в пустой туалет. Пока он мыл руки, он взглянул в зеркало и заметил лицо Джека, смотрящее на него через его плечо. Но

когда он обернулся, там никого не было. Ему показалось, что он услышал топание за перекосившейся вентиляционной крышкой, и когда он задумался, стоит ли ему проверить её, в туалет ворвались трое парней. Эдварду пришлось уйти, прежде чем они попытались бы засунуть его голову в унитаз.

Сейчас Эдвард был всего в нескольких метрах от автобуса, как вдруг Эдди, один из особенно неприятных парней в его классе, намеренно врезался в него. Эдвард пошатнулся и чуть не упал. Он был достаточно близко к автобусу, чтобы выставить руку и устоять на ногах. Как только он это сделал, то мельком увидел лицо Джека, выглядывающее из-за заднего бампера автобуса. Он держался за аварийный выход, скрытый между автобусом Эдварда и автобусом позади, так низко, что никто — кроме Эдварда — не смог бы его увидеть.

Это было в его автобусе.

Эдвард попятился. Его снова толкнули, на этот раз это была Джулия.

— Смотри, куда идешь! — рявкнула она на него.

— Прости. — Он даже не взглянул на её красивые волнистые волосы, поскольку продолжал пятиться.

Автобусы перед Эдвардом тронулись с места.

— Едешь? — окликнул его водитель автобуса.

Эдвард взглянул на колесо в том месте, где он видел лицо Джека. Ему показалось, что он заметил движение, но он не был в этом уверен.

— Нет. Я кое-что забыл. Я пройду пешком. Спасибо.

Дон пожал плечами и закрыл дверь автобуса. Автобус тронулся с места. Эдвард смотрел ему вслед, однако ни в одном из окон не увидел ничего, кроме детей.

Когда автобусы уехали, Эдвард вздохнул. Он лишь позволил своей паранойе заставить его проделать шестимильную прогулку. Блестяще. Снова вздохнув, Эдвард надел рюкзак поудобнее и пошел по школьной дороге.

* * *

Дорога, которая вела от школы в город, не имела тротуаров, а имела лишь узкую посыпанную гравием дорожку, которая вплотную прилегала к массивным стволам деревьев, выстроившихся вдоль дороги. По краю дороги папоротники и другие низкорослые заросли создавали зеленый мохнатый ковер, простиравшийся до темных глубин леса. Тут и там мохнатый ковер сменялся подстилками из опавших еловых иголок. Это были тропинки, по которым многие дети ходили в лес. Но не Эдвард. Он бы предпочел остаться здесь, на дороге, большое вам спасибо.

Мимо Эдварда проехали несколько машин. Одна из них посигналила. Он понятия не имел, кто в ней был.

Он покашлял из-за выхлопных газов, которые остались от последней машины. Он обернулся, чтобы глянуть, не приближаются ли еще машины.

Он замер. На дороге не было ни единой машины. Но там было что-то другое.

Это было Дружелюбное Лицо.

Он был прямо там, настолько отчетливый, насколько это было возможно, его нельзя было спутать ни с чем другим. Это не было одним из тех мимолетных проблесков воспоминаний. И это был не просто беглый взгляд на бледное лицо Джека. Честное слово, это было действительно Дружелюбное Лицо, чёрный кот, его шерсть стала слипшейся и грязной – вероятно, из-за того, что он был закопан и сам себя выкопал, – и преследующие черты Джека с непоколебимой улыбкой. Кот с лицом Джека бежал вприпрыжку по краю дороги, радостно следуя за Эдвардом, как будто они играли в игру "следуй за лидером".

Эдвард не стал останавливаться, чтобы поразмыслить. Он просто побежал.

Поначалу он бежал по дороге, но оглянувшись назад, увидел, что лицо Джека приближалось. Он никак не мог убежать от аниматроника по гладкой открытой дороге. У него не было выбора, если он хотел убежать. Он свернул налево, оказавшись между двумя высокими деревьями.

Эдвард ободрал плечо о ствол второго дерева, но продолжал бежать. Он перепрыгнул через невысокий кустарник и растоптал куст папоротника. Он не стал тратить время на то, чтобы оглянуться еще раз. Он просто бежал, сломя голову, через сырой и тусклый лес.

Углубившись в лес на несколько сотен метров, Эдвард добрался до ручья. Он не сбавил скорости. Он перепрыгнул через него. Он помчался вверх по склону на другой стороне ручья, но поскользнулся, наткнувшись ногами на груды речных камней.

Замахав руками, чтобы сохранить равновесие, Эдвард развернулся, собираясь побежать по равнинной части местности вместо того, чтобы подниматься еще выше от ручья. Но всплеск воды заставил его снова обернуться.

Эта кошачья тварь неслась за Эдвардом по пятам. Его хвост был задран вверх, как будто он наслаждался лучшим временем в своей жизни. Жизни? В нем не было жизни. Он не был живым! Это просто вещь!

Счастливое выражение лица этой твари не одурачило Эдварда. Улыбка была слишком натянутой, слишком жёсткой, чтоб внушать какие-либо хорошие чувства. Учитывая, что кот с лицом Джека работал, двигался, возможно, даже-не дай Бог-мыслил, справедливо было бы сказать, что он был живым, по крайней мере, в роботизированном смысле. Это означало, что, когда он выкинул его в яму и засыпал землей, он закопал его заживо. Был ли он зол?

Что он сделает, когда доберется до него?

Эдвард испуганно вскрикнул и снова бросился бежать. Вскарабкавшись на скользкий берег, он рухнул на колени и стал карабкаться наверх.

Поняв, что его рюкзак тормозит его, Эдвард сбросил его с плеч, и он смог встать на ноги. Его дыхание стало прерывистым, и он скомандовал своим ногам продолжать бежать, изо всех сил бежать.

Было глупо бежать в лес. Было бы лучше, если бы он оказался на дороге, где рядом были другие люди, где кто-нибудь мог бы притормозить и помочь ему.

Он старался продумать всё это на бегу, пытаясь понять, преследуют ли его по-прежнему. Поначалу всё, что он мог услышать, были его собственные шаги и затруднённое дыхание. Но потом он услышал тиканье и этот пневматический стук.

У него перехватило дыхание.

В бешенстве он пробрался сквозь густые заросли какой-то незнакомой ему растительности, и он вновь наткнулся на ручей. Он сделал круг. Он подумал, что если пересечет его повторно, то в конце концов он снова окажется у дороги.

Сможет ли он находиться на виду у кота с лицом Джека достаточно долго, чтобы туда добраться?

Он решился оглянуться назад.

— Убирайся, — пронзительно крикнул он, увидев, как тварь весело резвится, подпрыгивая и игриво подскакивая на следах, оставленных ногами Эдварда в зарослях.

Он отвернулся от лица Джека и, спотыкаясь, снова направился к ручью. Добравшись до него, он перепрыгнул через его самую глубокую часть. Его нога зацепилась за камень, и он подвернул лодыжку. Он вскрикнул, но не упал. Его глаза наполнились слезами, пока он продолжал бежать, не обращая внимания на пульсирующую боль.

Он не был уверен, сколько времени бежал с тех пор, как пересёк ручей. Ему казалось, что он бежит по кругу. Неужели это то самое дерево, мимо которого он только что пробежал? Откуда он мог знать? Все они выглядели одинаково.

Больше он не оглядывался. Случайных тик-тик-тик было достаточно, чтобы понять, что его преследователь все еще гонится за ним.

Боль в его лодыжке усиливалась с каждым разом, когда его нога касалась земли. Его ноги начали ослабевать. Он мог услышать свой собственный хрип издаваемый легкими. Он чувствовал, как его сердце пытается выскочить из груди.

Ему уже начало казаться, что он вот-вот умрет от истощения, как вдруг он заметил свет, пробивающийся между деревьями впереди. Ему показалось, что он услышал шум проезжающего по дороге автомобиля.

Он уже почти добрался до нужного места.

Он старался бежать быстрее, но он очень устал. Он замедлился.

Что-то коснулось лодыжки Эдварда. Он взглянул вниз. Ему улыбалось лицо Джека.

Вскрикнув, Эдвард наклонил голову и замахал руками, чтобы заставить своё тело двигаться еще быстрее. Ещё несколько шагов. Он бежал изо всех сил, пристально глядя на землю перед собой, чтобы не споткнуться обо что-нибудь и не упасть.

Однако ясно видеть он не мог. Все было расплывчато, видимо, потому, что его глаза были полны слёз и пота.

Но это не имело значения. Он продолжал бежать.

Он рванулся вперед, отбиваясь от существа позади него, несясь к тому, что, как он надеялся, было—

Эдвард почувствовал вспышку боли, такую сильную, что она просто не могла быть настоящей. Боль была последним, что он почувствовал. Последнее, о чем он подумал, это то, что боль была

невыносимой. У него даже не было возможности подумать, прости.

* * *

Грузовик, который сбил Эдварда, сразу после столкновения начало заносить. Водитель с выпученными глазами, бешено колотящимся сердцем, внезапно скрутившим желудком, практически встал на педаль тормоза грузовика. Конечно, было уже слишком поздно. Грузовик проехал ещё несколько метров, прежде чем резко остановиться.

Позади грузовика на дороге лежало тело Эдварда, вокруг него растеклась лужа крови. В нескольких шагах от него, наполовину скрытое папоротниками на краю обочины, на корточках сидело Дружелюбное Лицо. Он дёрнул своим роботизированным хвостом. Улыбающееся лицо Джека невозмутимо смотрело на неподвижную фигуру Эдварда.

Это подождет. Он будет терпеливо ждать, пока Эдвард встанет, чтобы они смогли поиграть еще немного.

<http://tl.rulate.ru/book/71858/1986775>